

LE MESSAGE

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- **Открытое письмо из России в Редакцию Вестника Р. С. Х. Д.**
~~~~~
- **Памяти прот. Петра СТРУВЕ**  
~~~~~
- **Правая Кисть — А. И. Солженицын**
~~~~~

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 89-90

TRIMESTRIEL

III-IV-1968

Открытое письмо В РЕДАКЦИЮ ВЕСТНИКА РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Дорогие друзья,

Последнее время нам удается через Ваш Вестник, доходящий до нас самыми различными путями, более или менее регулярно следить за Вашей жизнью и работой. Огромным источником вдохновения и надежды делается для нас сам факт Вашего существования, тот факт, что свободная русская мысль и религиозное слово, задушенные у себя на родине, не умерли в изгнании и, благодаря Вам, свидетельствуют о себе пред всем миром и пред Россией, свидетельствуют о жизненности и будущности русской культуры и Православия.

Сейчас всякое слово, доходящее сюда из русского зарубежья, сохранившего и приумножившего достоинства русской культуры и религиозной мысли, для нас особенно драгоценно: в России начинается пробуждение от глухой и кошмарной полувековой спячки. Сегодня снова перед русским сознанием, уставшим от идолопоклонства, встают вечные проблемы жизни: Бога, Добра и зла, смерти, устройства справедливого общества и т. д., то-есть, встает проблема нового сознания, которое должно быть христианским не только отчасти или в какой-либо своей сфере, но христианским в своей цельности.

Между тем, сегодня главная трагедия русской жизни — ее бессловесность: куда бы ни обратилась ищущая душа, она находит везде ложь. Все окутано непроницаемым слоем неправды, обязательной официальной мифологии, боящейся всякого свободного слова и, пуще огня, боящейся света Правды Христовой.

Русское религиозное возрождение, заметное прежде всего на настроении молодой интеллигенции, есть движение стихийное. У нас нет ни органа печати, ни свободы собраний, ни свободной религиозной проповеди, нет пастырского руководства, нет, наконец, книг, вплоть до Священного Писания и молитвенников. Но у нас есть иное — все растущий приток новых, кипучих сил в Православие.

Однако, для того чтобы религиозное сознание, приходящее на смену господствующей идеологии, смогло заявить о себе, из

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001414

тайного сделаться явным, стать достоянием всех, нужна трибуна, печатный орган. Таковым мог бы явиться Ваш журнал... И вот здесь наши надежды, увы, не всегда сбываются. К сожалению, порою те идеи, которые мы находим на его страницах, слишком мало связаны с проблемами сегодняшней России, и это вопреки Вашей же собственной программе ориентации на русские проблемы, служения Вашей Родине, лишенной всего, без чего не мыслите Вы своего существования. Порою создается впечатление, что Вы не верите, что Вам придется жить в завтрашней России, что Вы есть то же самое русское тело, провиденциально отторгнутое от России, чтобы сохранить, приумножить и вернуть приумноженными данные Вам от Господа таланты. Вы сделали первое и второе — мы ждем от Вас третьего и последнего. Перед единством всех тех, кто верен лучшим духовным идеалам России окажутся бессильны все преграды.

Одним словом, мы желали бы, чтобы Ваш журнал был в большей степени ориентирован на Россию: русский читатель сегодня более любого другого нуждается в правдивой информации.

Что бы нам хотелось чаще встречать в Вестнике Р.С.Х.Д.? Это прежде всего статьи по религиозной философии, богословию, историософии, истории культуры и церкви, статьи высокого уровня, но не узко специального, а общетеоретического характера, способные привлечь широкие круги образованных читателей. Необходимо помещать статьи о внутри- и внешне-политическом положении России, о проблемах мировой политики и культуры, однако, отличающиеся от обычных обзоров своим принципиальным подходом: журнал должен представлять ту или иную политическую или культурную ситуацию не только как дело рук человеческих, но как связь нашей конкретной, эмпирически осязаемой действительности с метафизической реальностью, чувство которой утрачено современным человеком, к сожалению, не только в России.

Показать метансторию в истории, высшее духовное начало в культуре, вскрыть подлинно христианское отношение к политике, творчески продолжить опыт отцов русского религиозного Ренессанса, Булгакова, Бердяева, Франка, Федотова и др. — Вот задача, выше и труднее которой не найти; и если Ваш журнал примет столь высокие обязательства, то, мы знаем, это случится не в чаду самоуверенности, а в трезвой убежденности в насущной потребности этого дела.

Нам хотелось бы также, чтобы журнал вел более широкий библиографический отдел, давая обзоры интереснейшей с его точки зрения литературы, выходящей на иностранных и русском языках, как на Западе, так и в России. Журналу равно необходим отдел церковной жизни, в котором рассматривались бы проблемы международного церковного движения, Православия, русской Церкви у себя на Родине и в Рассеянии, проблемы духовного и идейного сближения исторически раздробленных частей церковного тела.

Дорогие друзья. Примите нашу искреннюю благодарность, примите уверения в любви, примите наши пожелания, помните, что и Вы и мы трудимся на общей ниве Христовой, над общим делом — делом христианского возрождения России.

Да поможет Вам Бог!

Ответ Вице-Председателя Р.С.Х.Д. прот. Александра Шмемана на письмо, полученное из России.

Дорогие друзья,

Наш ответ на Ваше письмо мы не можем не начать Вашими же словами: «огромным источником вдохновения и надежды делается для нас сам факт Вашего существования».

Да, мы живем на Западе в условиях полной духовной свободы и многим из нас суждено, возможно, навсегда остаться здесь и отдать свои силы как свидетельству о Православии перед западным миром, так и служению молодой еще, но имеющей возрастать, Православной Церкви на Западе. Ибо мы верим, что не без воли Божией совершилось расселение православных по лицу, действительно, всей земли и Православие стало вновь обретать утерянную им, в его трагической истории, вселенность.

Но ничто, поверьте — ничто и никогда — не сможет отлучить нас от того, чему мы обязаны самим нашим духовным бытием: — от христианского образа, христианского вдохновения и христианской сущности России. Это не национальная гордость, это не только голос крови в нас, это не тот языческий национализм, который — сколько бы ни окрашивали его в христианские цвета — рано или поздно вскрывает свою человеконенавистниче-

скую природу. Нет. Ученики последних творцов и носителей незабываемого русского духовного возрождения, мы от них восприняли и навсегда неумирающей любовью полюбили лицо России Христовой, тот свет, который, несмотря на все падения и измены, всегда светил в ней, который вдохновил ее культуру и которым, — как мы знаем теперь, — живет она на последней своей глубине и сейчас.

И мы хотим сказать Вам, что этот свет нужен сейчас не только нам. Он нужен всему миру. Мы не преувеличиваем утверждая, что в нем залог спасения и возрождения того, все еще по привычке от Христа ведущего свое летоисчисление, мира, что распадается на наших глазах. Быть может, нам, живущим на Западе, более очевидно, чем Вам, этот распад, эта измена современного человека своему «горнему званию», отречение самой культуры от Бога и Духа. Мертвящее дыхание всего того, от чего Вы страдаете непосредственно, распространяется по всему миру. «Раковый корпус» это сегодня, всемирное явление. Изсякают и загрязняются сами источники того понимания, того ощущения человека, его жизни, культуры и истории, что вошли в мир с евангельским благовестием. И саму Церковь начинает разлагать этот тлетворный дух.

И вот в этой, со всех сторон обступающей нас ночи, Вы являетесь для нас не только вдохновляющим примером мужества и верности. Вы являетесь свидетелями в первичном христианском смысле этого слова. Когда то, на заре христианской истории только «свидетели» — м а р т и р е с — Христа и Его Царства смогли преодолеть умудренный скептицизм и утонченное равнодушие древнего мира. В наши дни это свидетельство приходит из России. Снова голос беззащитного человека оказывается способным прекратить самую могущественную и неограниченную власть. Снова вера оказывается сильнее всемогущей, но и трусливой казенщины. Говорит эта подлинная, подспудная, христианская Россия и начинает обличаться та липкая ложь, что опутала человеческую совесть во всем мире и сама собой восстанавливается иерархия ценностей, попираемая лукавым разумом наших дней...

Вот почему, если Вам нужна наша помощь, то не меньше, а еще больше нужна нам Ваша помощь. Вы одни, в этом изолгавшемся и обезображенном мире можете засвидетельствовать о том, куда ведут и к чему, рано или поздно, приводят те идеи, которыми так долго и так легкомысленно играло и продолжает

играть человечество, чем становится мир, отрекшийся от своего духовного призвания. В России уже в прошлом веке, устами великих русских писателей и мыслителей, прозвучало обо всем этом грозное пророчество. Но тогда его не слышали ни Россия, ни Запад ни Церковь. И России нужно было пройти через все круги Дантова ада, чтобы пророчество это стало слышимым, оправданным и подтвержденным кровью и мучением миллионов людей. И нет сейчас во всем мире, нет и во всей Церкви Христовой голоса и свидетельства, подобного этим. Христианское сознание разделено между позорным компромиссом с «князем мира сего» и пугливым уходом в бесплодную апокалиптику. В том же, что доходит до нас от Вас и Ваших единомышленников, мы снова слышим голос трезвой веры, неумирающей надежды, все побеждающей любви. От Вас мы узнаем, что история не кончилась и что снова звучит в ней призыв к христианскому деланию.

Самое радостное для нас — наше единство с Вами в вере, в любви, в уповании. Пятьдесят лет насильственного разъединения — и, вот, мы едины и вместе. В меру наших сил мы стараемся исполнить все то, о чем пишете Вы. От Вас мы получаем и получим больше, чем можно сказать словами. «В мире печальны будете, но мужайтесь, Я победил мир». Христос посреде нас и есть и будет!

протоиерей Александр Шеман
Вице-Председатель Р.С.Х.Д.

ОТЧЕГО Я НЕ ПОЕДУ В УРУГВАЙ ?

Не так давно — тому лет шесть — съездил я в Буэнос-Айрес по приглашению тамошнего Пен-клуба, аргентинского отдела международной писательской организации, устроившего там, в том году, конгресс. Не по воздуху туда и обратно летал, а плыл по морю, и возвращаясь назад, после двух недель, проведенных там, повстречал на пароходе немецкого ученого Курта Вайза, известного специалиста по романским литературам, возвращавшегося к себе, в Гейдельбергский университет, после лекционной поездки по странам Южной Америки. Последней из посещенных им стран был Уругвай, и он рассказал мне об этой стране нечто, о чем я с тех пор постоянно вспоминаю.

Режим в Уругвае не мним, а подлинно демократический; единственной партии и внедряемой ею во все головы единой и всеобъемлющей идеологии там нет. Но у власти в Монтевидео давно уже находится правительство антиклерикальное, таких примерно взглядов, какими прославился в конце прошлого века французский политический деятель, одно время председатель совета министров, Комб. Католическая церковь отнюдь из страны не изгнана, правительство даже и не преследует ее, старается лишь ограничить ее влияние, не лишая в то же время граждан свободы совести, не оказывая на них того грубого давления в делах веры, какому они неизменно подвергаются в России, с тех пор как она зовется больше этим именем. В одном, однако, уругвайское правительство взгляды свои с полной ясностью высказало и провело в жизнь. Оно не препятствует никому по-христиански праздновать Пасху и Рождество, как и прочие праздники, но Страстная неделя официально называется в Уругвае «неделей туризма», а Рождество «семейным праздником».

Едва мне это было рассказано, как я и слушать дальше не захотел. Какая мерзость, подумал я. Какое лакейство перед грошевыми идейками, достойными разве что аптекаря Омэ в знаменитом флюберовском романе. Какая беспросветная пошлость! Младенец в яслях, виффлеемская звезда, волхвы и пастыри, свет озаривший мир, а тут — семейный вече-

рок с выпивкой и закуской, ну там ребятишки, подарки, елка, может быть, и все. Голгофа, распятый Спаситель, Погребение, ангел у пустого гроба, Эммаус: мы же в это время занимаемся «туризмом», глазеем на что-то, куда пальцем тычет проводник, объезжаем в автокаре монтевидейские какие-нибудь диковины, да еще и объявляем, что в этом и весь смысл тех дней между Вербною Субботой и Христовым Воскресеньем.

Пошлость, мерзость — была первая моя мысль, и как укушенный я вскрикнул: нет, куда угодно, а в Уругвай не поеду! Мой собеседник меня понял, хотя относился к тому, что меня возмутило, с философической грустью, памятуя, что в нынешнем мире много есть и другого в том же роде, а то и куда хуже: начнешь возмущаться, не будет возмущению конца. Но я, когда расстался с ним в тот день, все еще продолжал негодовать, все еще жалкие эти словечки вертелись у меня на уме, покуда не пришла мне мысль совсем другого рода.

А наши-то, я подумал (понятно всякому о ком). Наши-то простачки, им-то ведь догадливости не хватило. Россию переименовали, а Рождество и Пасху не догадались переименовать. Подмахнули бы декрет, сразу же после «Октября», и не пришлось бы елку под новый год зажигать, а куличи выпекать к первому мая. Ведь еще грубее он, этот дикий запрет, еще жалче порожденный им обман, которым никто ровно не обманут. А впрочем нет: он хоть и груб, а самодовольной тупости в нем меньше. Ненависть его породила, а не благополучно-аптекарекое безверие. Результат, правда, похож. Столько же пошлости в наших «звездинах» вместо крестин, в чиновничьем церемониале гражданского брака с музычкой и шипучкой, в погребении нашем, казенно-партийном, как будто Россия никогда и не была христианской страной, как будто и не знала никогда несравненной нашей, раздирающей, но и возвышающей душу панихиды. В новых, партийным начальством придуманных, убогих обрядах возвышающего нет ничего: испошляют они и рождение, и смерть, и любовь. Звездины, да «неделя туризма», это и впрямь одного поля ягоды. Однако, нельзя при всем том и забывать, что в Уругвае как никак всякий волен справлять Рождество и Пасху и любые праздники по-христиански, волен венчаться и крестить своих детей в церкви, волен хоронить своих покойников на

христианском кладбище по древнему христианскому обряду, и делать это не как-нибудь с опаской, тайком, а совершенно открыто, за что его, занимая он даже ответственный пост, антиклерикальное правительство никакому выговору, никакой дискриминации не подвергнет. Подумал я об этом, и даже совестно мне стало, что обрушился я со всем своим негодованием на далекий этот Уругвай, где ведь совесть-то все-таки свободна, где свободна печать, где всякий в печати или устно речью свободен защищать свою веру против тех, кто ее осуждает, — насколько не менее свободен, чем они свободны осуждать ее. За что ж я на эту не тоталитарную все-таки страну обрушился? За календарные термины? За узко понятый «нейтралитет» государства в делах религии? Переменится там правящая партия — да ведь быть может с тех пор и переменялась — вот и вернут Рождеству и Страстной неделе или Святой (как зовут ее у католиков) настоящие их имена.

Пусть так. Пусть все это верно. И все-таки, стоит мне вспомнить тот миг, когда я услышал впервые о «неделе туризма» и «семейном празднике», как подымается во мне вновь то же презрение, вспыхивает тот же гнев. Не могу с собой справиться: противно. Отчего противно? Как-то и объяснять не хочется. Стоит ли спорить с тем, кому — что «неделя туризма», что «Страстная неделя», все одно. Никогда мы с ним друг друга не пойдем. Вот ведь и тут, в Париже, с неприязнью я гляжу на тех, кто заказывает себе столик в ресторане, за которым он будет ужинать в сочельник. Как хороша католическая ночная рождественская служба! Торжественные, радостные песнопенья о Младенце в яслях, о свете, озарившем мир! А если скажут мне, что ж, ты часто на этой службе бывал, или на рождественской нашей, что кончается к вечеру, когда в небе взопла вифлеемская звезда? Нет, отвечу, грешный я человек, бывал на этой, бывал и на другой, да не часто, а теперь все чаще дома остаюсь, рано спать ложусь. Но в ресторан — новый год встречать, пожалуй, пойду, а под Рождество, в сочельник, нет и нет. Никогда не был, не пойду никогда.

Да только не обо мне и речь. Так что и диалог этот воображаемый излишен. Невзначай мне его совесть нашептала... Надо, надо в этом году, надо в церковь пойти. В канун *такого* дня... Но все-таки дело тут не в оттенке и не в степени

чьего-либо личного благочестия. Не живу в Уругвае, не живу и в той «эх, эх, без креста» России, которую Блок на самой ее заре увидал, чтобы затем именно от этого вида умереть. А если б и жил я, там или тут, то ведь и там, и тут все-таки *мог бы* пойти в церковь на рождественскую службу. Как с другой стороны и не в елке дело, не в пасхальных яйцах и куличах. Дело в том, живем ли мы еще в христианском мире, или в мире отрекающемся от своего христианского прошлого. Бытовая сторона (полу-языческая) Пасхи и Рождества только тем и свята, и хороша, что она свидетельствует о христианстве, что она весть нам подает о том, в каком мире, в чьем мире мы живем. Безмянно-семейные праздники, «неделя туризма», ресторанные ужины в Сочельник, это обратные свидетельства. Видишь их, слышишь о них, и думаешь: опустеют храмы, умолкнут колокола, опечатают или на полках оставят в пыли священные книги Нового и Ветхого Завета — и пойдут сплошные недели туризма, праздники без Праздника, семейные и бессемейные будни, муравьиное «строительство», нудные «массовые» развлечения... А уж Россия! Где же она, Россия, где же русское в этой России, если изъять из нее полностью, без надежды возврата, то, что в ней жило, то, чем она жила?

Нет, не поеду в Уругвай! Это у меня вырвалось тогда; это и сейчас я говорю. Вероятно потому, что родился — не в Уругвае.

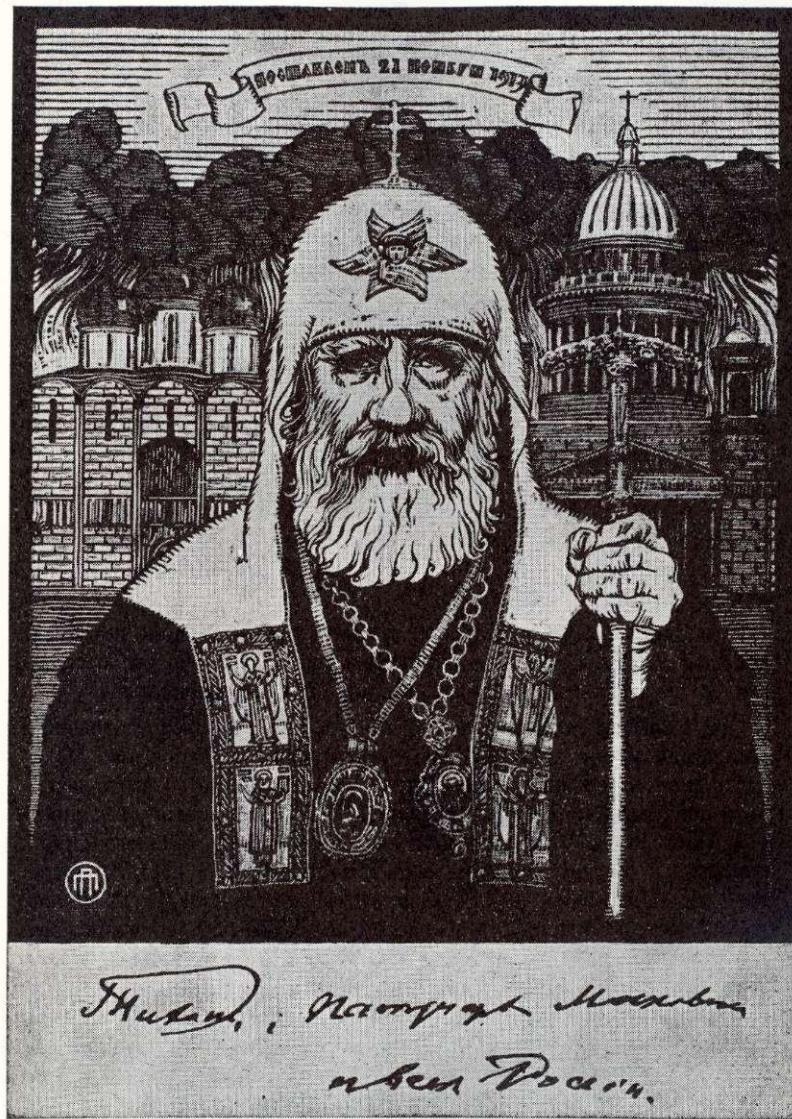
Святейший Патриарх ТИХОН (1865—1925).

Патриарх Тихон, в миру Василий Иванович Беллавин, родился 19 января 1865 года в городе Торопце, Псковской губернии, где его отец был священником. Городок был тихий и глухо провинциальный в ту эпоху и жителей в нем было не больше пяти тысяч. Семья жила скромно и благочестиво. С детства будущий патриарх отличался мягкостью характера, но твердостью в своих убеждениях. После занятий в Духовном Училище и Псковской Семинарии, которую Василий Беллавин окончил в 1883 году, он, как один из лучших учеников, был послан в С.-Петербургскую Духовную Академию. Учился он в Академии очень хорошо и всегда помогал своим товарищам в их работе. Все его уважали и любили и тогда уже в шутку называли «патриархом», хотя ни он сам, ни кто иной не думали о возможности восстановления в России патриаршества.

В 1888 году его назначили преподавателем богословия в родную Псковскую семинарию. 26-ти лет, в 1891 году, он принимает постриг с именем святителя Тихона Задонского, которого он очень чтит.

Вскоре начинается для молодого иеромонаха новая трудная работа. Его переводят в Холмскую Русь, сперва на должность инспектора, потом Ректора Холмской Семинарии, а в 1898 году совершается его хиротония во епископа Люблинского. Ему, как и его преемнику еп. Евлогию (Георгиевскому), выпадает на долю большая просветительная работа. Недолго пришлось епископу Тихону трудиться на благо русского народа на крайнем западном «аванпосте Православия». В следующем же году его посылают в Соединенные Штаты Америки на место арх. Николая (Зиорова), переведенного в Симферополь.

Кафедра епископов Алеутских и Аляскинских находилась в Сан Франциско, но отдельные приходы были разбросаны по всей стране и главное сосредоточие православных было на восточном, атлантическом берегу. Поэтому в 1905 г. Архиепископ Тихон перенес ее в Нью-Йорк. За его управление епархией было открыто два викариатства: в Аляске, в гор. Ситха (1903) и в Бруклине

Гравюра работы П. Я. Павлинова
(духовный сын о. Павла Флоренского)

(1904), и положено основание Тихоновскому Монастырю и Духовной Школе при нем. Необходимо отметить также заботу арх. Тихона о тех православных, для которых английский язык стал родным, и о православных американцах. По его благословию богослужебные тексты были переведены и изданы по-английски. Главным тружеником в этом деле была Мисс Хапгуд. Таким образом, параллельно с переводами отца Мальцева на немецкий язык и еще до перевода на французский, произведенного комиссией под руководством от. Н. Сахарова, а потом бенедиктинцами в Амей, православное богослужение и все требы могли совершаться в Америке уже на английском языке.

К сожалению, в Синодальный период архиереи «восходили по иерархической лестнице» и их не оставляли долго на одной кафедре. Едва архипастырь свикался со своей паствой, как его «повышали». Архиепископа Тихона перевели на древнюю Ростовскую кафедру в город Ярославль. По воспоминаниям кн. И. А. Куракина (будущего епископа Иоанна), владыка Тихон заслужил такое уважение и любовь всех слоев населения, что, при перемещении его в начале 1914 года на Литовскую кафедру в Вильно, все, не только церковные, но культурные и общественные организации сделали ему трогательные проводы.

За годы своего пребывания в Ярославле, будущий патриарх посещал запросто храмы, иногда приходил даже пешком, беседовал со священниками и прихожанами, объезжал монастыри.

В Вильно надо было общаться с местным польско-литовским обществом и охранять одновременно престиж Православия. Но и здесь своим необыкновенным тактом и умением обходиться с людьми и подходить к их нуждам, архиепископ Тихон достиг всеобщего уважения. Когда русские войска оставили Вильну, владыка Тихон переехал в Москву с частью своего духовенства и паствы. После того как Обер-Прокурор Временного Правительства В. Н. Львов удалил митр. Макария с Московской кафедры, население Москвы, и в том числе рабочие, избрали арх. Тихона и он вступил в управление епархией в трудные дни всеобщего возбуждения и страстей. Ему пришлось подготовить в Москве Всероссийский Поместный Собор, который открылся 15 августа 1917 года. За два дня до этого, 13 августа, определением Св. Синода, архиепископы Тихон Московский, Вениамин Петроградский и Экзарх Грузии Платон (Рождественский) были возведены в сан митрополита.

18 августа, на первом заседании Собора, московский митро-

полит Тихон был избран 407 голосами из 432 присутствующих Председателем Собора и руководил Общими Собраниями до самого своего избрания в патриархи.

28 октября, когда после коммунистического переворота, Москва переживала страшные дни гражданской войны, Собор решил восстановить в Русской Церкви Патриаршество и 31-го были избраны три кандидата: арх. Антоний (Храповицкий), арх. Арсений (Стадницкий) и митр. Тихон. 5 ноября, в Храме Христа Спасителя, перед Владимирской иконой Божией Матери, иеросхимонах Алексей выбрал по жребию из трех записок ту, на которой значилось имя митрополита Тихона. На Троицкое Подворье, где жил тогда будущий патриарх, отправилось посольство от Собора. В противоположность двум другим кандидатам, митр. Тихон был настолько уверен, что выбор падет не на него, что все время занимался текущими делами епархии и Собора. Когда приехали архиереи, он отслужил краткий молебен и после того как старейший иерарх, митр. Киевский Владимир, объявил: «Преосвященный митрополит Тихон, Священный и Великий Собор Российской Церкви призывает твою святую на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России», Патриарх ответил словами пророка Иезекииля о свитке, на котором написано, «плачь и стон и горе». «Отныне на меня возложено попечение о всех церквях российских и предстоит умирание за них по вся дни». Затем упомянув, что жребий был вынут перед иконой Божией Матери, он сказал, что отдает себя под Ее покров. Арх. Антоний обратился к новоизбранному с кратким словом.

В тот же день патриарх Тихон поехал в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы молитвенно подготовиться ко дню «настолования».

Успенский Собор, который сильно пострадал во время бомбардировки его коммунистами, был очищен и купол затянут парусиной. В день Введения во Храм Прес. Богородицы состоялось возведение на патриарший престол (настолование) патриарха. Ввели его в алтарь и посадили на патриаршее место митрополиты Владимир и Платон и тут же ему передали патриаршие облачения; саккос со второй эпитрахилью и поручи с дигаммами, а митр. Владимир произнес молитву «Божественная благодать». После литургии ему были вручены мантия патриарха Филарета зеленого бархата и жезл митрополита Петра. После настолования патриарх объезжал Кремль и Москву, предшествуемый в первой коляске крестом и посохом. Всюду его встречали громадные толпы народа.

С самого начала своего патриаршества Святейший Тихон, в своих обращениях и посланиях, призывал свою паству к стойкости за веру и защите Церкви и подчеркивал, что последняя должна быть вне политики и противустать надвигающимся гонениям на религию «духовным мечем веры», а не оружием.

В своем Рождественском послании он говорит: «Зло нашего времени, что новое государство строится без Бога, что люди полагаются только на свои силы, прильнули к земле, хлебу и деньгам и упились вином свободы. Церковь осуждает такое строительство». В своем грозном послании 18 января 1918 г., перед открытием собора, патриарх пишет: «Опомнитесь, безумцы, прекратите кровавые распри». Всех, кто хотя бы по рождению принадлежал к Церкви, но гнал ее, он запрещал, а верующих звал встать на защиту оскорбляемой и угнетаемой Православной Церкви.

Необыкновенно сильны по своей духовной высоте послания по поводу отделения Церкви от Государства и изгнания религии из школы, а также по случаю подписания позорного Брест-Литовского мира.

Приезд патриарха в Петроград несколько раз откладывался и состоялся только в мае 1918 года. Столица была уже перенесена в Москву и Советская власть переехала туда. Когда встал вопрос о приезде святейшего, власти предоставили «гражданину Беллаину» одно место в почтовом поезде, но железнодорожники сами прицепили особый вагон. Все дни пребывания патриарха в Петрограде были отмечены грандиозными служениями, в которых приняло участие все население города и, главным образом, рабочие, принявшие участие в организации порядка. Службы в Исаакиевском и Казанском Соборах и в Лавре собрали сотни тысяч верующих, запрудивших все окрестные улицы. Несмотря на просьбы окружения, которое боялось за жизнь Патриарха, так как месяц до этого отряд моряков из Кронштадта собирался ехать в Москву и объявили, что выступит с оружием, если патриарх приедет в их город, святейший решил посетить Кронштадт. Встреча населения и даже моряков была трогательной и только два небольших «случая» надо отметить: к коляске, в которой ехал патриарх, подбежал вооруженный матрос и крикнул «благослови меня», Патриарх громко сказал «не благословлю, так как на твоих руках кровь», а после матроса подбежала старушка и протягивая пакетик сказала: «На тебе, родимый». В бумаге было два куска мыла, которое тогда было редкостью.

В Петрограде патриарх посетил монастырь на Карповке и служил панихиду на могиле отца Иоанна Кронштадтского.

Когда, в августе 1921 года, в России начался страшный голод, вызванный массовыми реквизициями хлеба у крестьян, патриарх обратился ко всем главам православных и инославных Церквей с призывом помочь голодающему населению. 6 февраля 1922 года он разрешил пожертвовать на нужды голодающих все ценные церковные предметы, за исключением сосудов, необходимых для богослужения.

Несмотря на то, что патриарх и духовенство пошло навстречу нуждам голодающих, по всей России было произведено насильное изъятие всех ценностей, вскрытие мощей и ряд насилий над населением. Все противящиеся изъятию были привлечены к ответственности, а патриарх изолирован и фактически лишен свободы. 12 мая к нему явились три священника и заявили, что, если патриарх не передаст власти одному из находящихся на свободе иерархов и не удалится добровольно на покой, все осужденные за сопротивление изъятию ценностей будут казнены. Патриарх передал тогда временное управление митрополиту Агафангелу, но, так как последний не был допущен в Москву, Введенский, Беликов и Красницкий захватили власть в Церкви с согласия властей и положили начало так называемой «Живой Церкви». Собрание последней, 29 апреля 1923 года «низложило патриарха, объявило его лишенным сана и монашества и призвало всех к поддержке Советского Правительства». На предъявленных ему постановлениях патриарх написал «незаконно».

Процесс патриарха Тихона несколько раз откладывался, а 26 июня 1923 года он был освобожден из заключения и вновь взял в свои руки управление Церковью. «Живая Церковь» начала с этого времени слабеть, после победоносного кратковременного господства, и большинство иерархов и духовенства вернулось в «Тихоновскую Церковь».

Последние два года своего патриаршества, святейший посвятил восстановлению церковных устоев. Ценные записи отца протопресвитера Виноградова, изданные в Мюнхене, показывают какие сверхчеловеческие испытания ему пришлось пережить за это время.

Здоровье святейшего уже к началу 1925 года слало, и у него часто случались сердечные припадки. Еще в начале года вся православная Россия скромно праздновала его 60-летие, а вскоре ему

пришлось переехать в клинику доктора Бакунина. Вдова доктора, которая потом жила в Русском Доме в Сент-Женевьев, рассказывала мне, что каждый раз, когда к нему в клинику приезжали чиновники из официальных учреждений или «представители верующих», у патриарха бывали припадки, настолько он болезненно переживал требования, которые к нему предъявлялись.

В ночь с 25 на 26 марта 1925 года, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в 11 час. 45 ночи патриарх скончался, назначив себе в преемники митрополитов Кирилла, Агафангела и Петра. Последний вступил в права местоблюстителя. Появившееся в «Известиях» «завещание» патриарха было составлено, повидимому, красным прокурором Тучковым, и подписано за патриарха, так как и датировка (новый стиль без упоминания праздника Благовещения), и титул патриарха в подписи неправильны и не могли быть написаны святейшим Патриархом Тихоном.

Тело почившего было перенесено в Донской монастырь и там состоялись 30 марта, в праздник Входа Господня в Иерусалим, грандиозные похороны. Два дня к гробу патриарха шли несчетные толпы, а в день погребения, в монастыре и его окрестностях собралось несколько сот тысяч верующих.

Память о святейшем патриархе жива в сердцах русских до сего дня.

ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА

**К АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И ВСЕМ ВЕРНЫМ
ЧАДАМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ,
ОГЛАШЕННОЕ АРХИЕПИСКОПОМ КИРИЛЛОМ ТАМБОВСКИМ
20-го ЯНВАРЯ 1918 ГОДА НА 66-ом ЗАСЕДАНИИ
ВСЕРОССИЙСКОГО ПОМЕСТНОГО СОБОРА**

**Смирный Тихон,
Божией милостию Патриарх Московский и всея России,
возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным
чадам Православной Церкви Российской.**

«Да избавит нас Господь от настоящего
века лукавого» (Гал. 1, 4).

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово, и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем неповинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но въявь, при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью и беспощадною жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, — совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей отчизны: и в столицах и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбию и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. апостола: «согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх имут (I Тим. 5,20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь, то что творите вы, не только жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Властию, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, **анафематствуем вас**, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «измите злаго от вас самех» (I Кор. 5,13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними, святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского) или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александрово-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности.

Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И, наконец, власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности над Святою Церковью Православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых?

Зовем всех вас, верующих и верных чад церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.

Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостояйте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо против совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами св. Апостола: «кто ны разлучит от любви Божией? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?» (Римл. 8,35).

А вы, братие Архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной верою зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброй волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силы своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви Христовой будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование самого Божественного Крестonosца: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея» (Матф. 16,18).

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Январь, 19 дня, 1918 года.

**ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ТИХОНА
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ
ПО ПОВОДУ ГОДОВЩИНЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.**

(Совету Народных Комиссаров)

“Всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть” (Мѡ. 26, 52).

Это пророчество Спасителя обращаем мы к вам, нынешние вершители **судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год вы держите в руках своих государственную власть** и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции; но реками политая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая **власть** и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо

рыбы (Мф. 7, 9-10). Народу, изнуренному кровопролитной войной, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша родина завоевана, умалена, расчленена и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту родины, бежать с полей сражений. Вы угасили в сердцах их воодушевлявшее их сознание, что «больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоа. 15, 13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать родину от внешних врагов, вы, однако, бесперывно набираете войска.

Против кого вы их поведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью, и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые пред вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже пред вами заведомо ни в чем не виноваты, а

взяты лишь в качестве «заложников»; этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто же вашими же сторонниками или близкими вам по убеждениям. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем неповинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной контр-революции. Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много претерпели от жестоких властей?

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братской кровью; прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализаций, вы толкнули его на самый открытый и беззастѣнчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха; но какими бы деяниями не прикрывались бы злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу.

Великое благо свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой свободы вы не дали; во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств

и грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления, как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, переехать из города в город? Это ли свобода, когда семьи, а иногда и населения целых домов выселяются и имущество выкидывается на улицу и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати? Где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровию мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного обсуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко-большевицкой, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на **церковное достояние**, собранное поколениями верующих людей и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — прихода, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные и просветительные учреждения, разгоняете церковные епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

«И что еще скажу? Не достанет мне времени» (Евр. 11, 32), чтобы изобразить все те беды, которые постигли нашу родину. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продоволь-

ственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревне. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка: «Ноги их будут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови, мысли их — мысли нечестивые, опустошение и гибель в стезях их». (Ис. 59, 7).

Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование, и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти; но чем выше будет подыматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости наших обвинений.

Не наше дело судить о земной власти; всякая власть от Бога допущенная, привлекла бы на себя наше благословение, если бы она воистину явилась «Божиим слугой» на благо подчиненных и была «страшная не для добрых дѣл, а для злых» (Рим. 13, 34). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем мы ваше слово увещания: отпразднуйте годовщину вашего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лук. 11, 51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч. (Мф. 26, 52).

ТИХОН, Патриарх Московский и всея России.

25 октября 1918 года.

ВЕРА ПРОРОКОВ*)

Важность темы о пророках определяется двумя нижеследующими положениями:

1) Все христиане, как таковые, признаны быть пророками: Иоиль 2; 28; среди даров изливания св. Духа в Пятидесятницу особо выделен дар всеобщего пророчества.

2) Ее актуальность: о ветхозаветных пророках сейчас много говорят в связи со всеми реформаторскими и пророческими движениями. Мы не будем ставить тему о пророках во всем ее объеме. Мы будем говорить об их вере. Вера есть основное требование, которое предъявляет Бог человеку. Вера есть основной двигатель религиозной жизни. О вере проповедовали два из самых значительных пророков: Исаия и Аввакум. Верую, согласно Евр. II, пророки совершали большие дела.

I. — Два предварительных вопроса:

а) **Что такое пророк?** Пророк не только тот, кто предсказывает другим или же проповедует с силой. Еврейское слово **наби**, означающее пророк, по всей вероятности значило: «тот, кто (был) призван (Богом)». Слово «профитис», употребляемое в греческом переводе ветхо-заветных книг совершенном в Александрии во II в. до Р.Х., а также в греческом оригинале ново-заветных книг Священного Писания, означает «тот, кто говорит перед (народом)», чем подчеркивается момент посланничества пророка. Характерным для пророческого служения являются его свобода:

- 1) Бог призывает к нему кого хочет и как хочет, не соображаясь ни с возрастом, сословием, полом, племенной принадлежностью.
- 2) пророк свидетельствует о том, что ему надлежит поведать народу, в самых разнообразных формах: словом, действием, иногда своей судьбой (Иеремия). Когда он прибегает к слову, он выражается в прозе, в поэзии. Он может прибегать ко всем видам

*) Доклад, прочитанный на съезде Р.С.Х.Д. 11-ХI-1968 г.

словесности или письменности, чем также подчеркивается свободная, харизматическая природа полученного ими дара. Предмет их проповеди: возвешание славы Божией, передача Его волеизволений, сообщение откровенных истин о Боге и об Его отношении к человеку. Пророки — человеки Божии, органы Божественного откровения, факторы вживания в него и углубления религиозного сознания в народе Божиим. Они — душа ветхо-заветной теократии. Они всегда сознают свою призванность свыше (Амос 7; 14, Исаия 6; Иеремии 1-2), свою посланность от Бога и божественное происхождение, так что они должны сказать «так говорит Господь» или у Иеремии, «и была на нем рука Господня».

б) **Что такое вера?** Мы часто думаем, что вера — убежденность в бытии Божиим. Это верно, но только эта убежденность далеко не исчерпывает сути веры. Главный предмет веры: то, что Бог обещал сделать, или исполнить (см. 11-ая глава посл. к Евреям), Еврейское слово **эмуна** означающее вера, происходит от корня «аман», быть твердым (оттуда же и литургическое «Аминь»). Вера есть полное доверие к Богу. Она сказывается как полное согласие ума не только с бытием Бога, но и с тем, что от Него исходит, или Им сделано: она есть полное, доверчивое приклонение воли перед Его волей, полная убежденность в том, что Бог, потому что Он есть Бог, может все совершить, все имея в своей власти и, так как Он солгать не может, то Он непременно исполнит малейшее Свое слово. Классическое описание веры: житие Авраама в Бытии 12-25. Веру вменяет Бог в праведность, т. е. через веру достигаются единственные должные и праведные отношения человека к Богу. Вера со стороны человека ускоряет исполнение обетований Божиих. Она залог сохранения народа или праведника среди самых страшных потрясений (Ис. 7; 9; 28; 16; Аввакум 2; 4; Рим. 1; 17; Гал. 3; 11; Евр. 10; 38). Она охватывает все силы человека. Правда, в позднем иудаизме, когда шла борьба с отступничеством, был подчеркнут интеллектуальный момент веры (1 Мак. 1; 12-16). Но всегда, как в Ветхом Завете так и в Новом Завете, вера есть нечто динамическое, а не статическое; путем подвига доверия к Богу, она выводит человека в среду божественного бытия, делая его другом Божиим, приводит к обладанию дарованных им обещанных Богом благ. Если такова есть вообще вера, то, какова же есть вера пророков.

II. — Что есть вера пророков?

Чтобы понять, в чем заключалась вера пророков, постараемся выяснить, при каких обстоятельствах пророки проповедовали. Согласно обещанию Втор. 18; 15-18 о непрерывности пророческого служения в Израиле, можно во всякую эпоху найти в избранном народе то или другое пророческое имя. Но великие пророки всегда оказываются связанными с эпохами великих изменений, потрясений или даже прямо катастроф. Так Самуил выступал в эпоху филистинской опасности и установления монархии в Израиле (XI в. до Р.Х.). Илия и Елисей действовали, когда северное царство находилось под угрозой воинствующего ваалуна, привезенного царицей Иезавелью из Тира. Пророки VIII века (Амос, Осия, Михей, Исаия, Софония, Наум и Аввакум) проповедовали во время гегемонии над всем Востоком огромных империй Ассирии и, после 605 г. (битва при Кархемише) Вавилона. Пророк Иеремия был свидетелем гибели Иудейского южного царства, разорения Иерусалима, разрушения храма и увода значительной части населения уничтоженного царства в вавилонский плен. Иезекиил проповедовал в плену «на реках вавилонских» (Пс. 136). А пророки после пленного времени (Аггей, Захарий, Малахия, Иоиль и составитель книги Ионы (1)) жили во времена, когда избранный народ имел возможность жить на родной земле, однако, пребывал в состоянии полной государственной зависимости, ибо Иудея в эту эпоху была под владычеством персов, чтобы перейти затем под владычество греков и, наконец, римлян. В эти эпохи потрясений и кризисов пророки принимали очень деятельное участие в жизни своего народа и проповедовали в связи с событиями, по поводу событий, на основании событий. Поэтому их появления именно в такие эпохи не случайны. Они именно Богом посылались в эпохи кризисов.

Что же есть кризис по Библии? Каково его религиозное значение? Кризис по-гречески означает «суд». Библия сама употребляет слово суд по поводу событий критического характера, знаменовавших выход Израиля из Египта (Исход 6; 6, «Я спасу вас судами великими»). И несомненно наше слово кризис, в том смысле, в котором оно нами употребляется, связано с его биб-

(1) Сам Иона жил до плена, в VIII а может быть и в IX в. до Р. Х., см. IV Цар. 14; 25. Но книга, надписанная его именем, судя по ее языку, богословию и т. д., несомненно была составлена в после пленное время.

лейским значением суда Божия. Через кризисы Бог изрекал свой суд. А пророки посылались для того, чтобы истолковать народу, что переживаемый им кризис есть именно суд Божий. Он должен был от имени Бога поведать народу, за что ему посылался суд, что именно Бог ожидает от народа, куда он зовет его через суд. И всякий раз, когда народ воспринимал исторический кризис как суд Божий, он либо спасался от прямой гибели, либо входил в обладание новых, неведомых ему или недостаточно им осознанных религиозных ценностей.

Само духовное рождение Израиля, как народа Божия, произошло через такого рода кризис. Этим кризисом, определившим всю судьбу и все самосознание Израиля, и оказался только что упомянутый кризис Исхода из Египта. Библия о нем очень подробно рассказывает, чтобы на основании этого кризиса, который в истории Израиля оказался первым и самым решающим, а также на основании примера Моисея, который оказался пророком Божиим в этот всеопределяющий момент, народ Божий учился видеть руку Божию во всех последующих кризисах его истории и повиноваться указаниям, подаваемым Богом через пророков. Остановимся несколько на кризисе Исхода, чтобы понять, в чем именно заключался суд Божий, совершаемый через пророка, и тоже, каковой оказывалась роль пророков.

До исхода Израиль в Египте был просто конгломератом пастушеских племен, связанных между собой кровным родством и общими религиозными верованиями. После Исхода он вдруг оказался единым народом, свободным и кроме того, сознающим исключительность своей судьбы и призвания, ничего общего не имеющего с судьбой и призванием других народов: он стал народом Божиим, связанным с Богом особым союзом или заветом. Как это произошло? Сыны Израилевы умножились количественно в Египте и оказались там рабами. Бог призывает пророка, в данном случае Моисея (Исх. 3-6), и посылает его к сынам Израилевым, чтобы одновременно избавить их от рабства и вывести в обетованную землю. Сотни же Израилев, несмотря на трудности своего положения, все же предпочитают как-то ужиться, найти житейский компромисс. Бог, через события, изрекает свой суд над таким состоянием Израиля. Он «ожесточает» сердце фараона (Исх. 7; 3; 4; 21; 14; 4;), тут же, являя превосходство Своей силы над его силой, и делает положение сынов Израилевых в Египте еще более затруднительным и, по человечески, безнадежным. Сынам Израилевым остается либо погибнуть в раб-

стве, либо следовать зову, обращенному через пророка, принимая все связанные с ним риски. Израиль пошел на этот зов и тогда произошло чудо. «Верою перешли они Черное море, как по суше, — на что покусившись Египтяне потонули» (Евр. 11; 29). За этим последовало другое чудо: весь народ пережил опыт встречи с Богом: «И увидели Израильтяне руку крепкую, которую явил Господь над Египтянами и поверил Господу и Моисею, рабу Его» (Исх. 14; 31). Так совершился и физический и духовный переход, который ветхозаветное предание назвало Пасхою (2) и который привел Израиля в состояние богоизбранного народа.

В чем же при этом кризисе великого перехода заключалась деятельность Моисея, как пророка? Моисей выступал как посредник между Богом и народом. Ему открылась воля Божия относительно народа. Он должен был о ней поведать народу и убедить народ последовать ей. Он это совершил, конечно, через свое слово, через знамения, через подвиг братолюбия, но главное, через свой собственный подвиг веры. На чем основывалась его вера? Прежде всего — на божественных обетованиях, данных отцам, т. е. Аврааму, Исааку и Иакову. Кроме того, он имел опыт общения с Богом (Исх. 3 и сл.: см. также Втор. 34; 10). Ему дано было, таким образом, знать самого Бога больше чем другим из его братьев, но он не видел исполнения обещанного. Он даже не вошел в землю обетованную. Ему, как и другим, предстояло верить, что Бог исполнит данное обещание. Предмет веры для Моисея остается тот же, что и для остальных сынов Израилевых. Его вера отличается от их веры лишь своей силой и своей зрелостью. Их она черпает из живого опыта общения с Богом. Ими вера Моисея будит и поддерживает веру сынов Израилевых.

Таков был кризис Исхода. Он явился началом и основой для других кризисов, через которые Бог провел свой народ, воспитывая его, приводя его к все более и более глубокому пониманию заключенного с ним Завета. Выше мы отметили, в чем заключается критический характер событий, составлявший этот кризис. Это были неминуемые катастрофы, иногда природные (засуха, нашествие саранчи или, как в случае Амос. 1; 1; землетрясение), чаще всего военные или государственные катастрофы. Иногда они были уже совершившимся фактом (Вавилонский плен для Иезекииля, полная утрата государственной независимости для

(2) Происхождение и первое значение этого слова в науке до сих пор остается неизвестным.

всех слепопленных пророков). Означающие, по человеческому разумению, гибель для народа, они, с божественной точки зрения, несли ему спасение. Они бывали часто наказанием за грех, иногда условным, могущим быть отмененным в случае принесения народом покаяния. Но всегда, так или иначе через эти события, Израиль вступал на новый путь, ведущий к постижению нового богатства духовных благ, раскрываемого Богом. Пророки, выступающие в такие моменты, всегда звали народ к обращению к Богу. Это было обращение к Богу либо от грубого греха (социальная неправда, идолопоклонство, обрядоверие, пренебрежение к Богу, или Его требованиям), либо от земного образа мышления или действия (увлечение земной политикой, материальной культурой, заключение военных союзов с языческими державами, несовместимого с высоким призванием народа Божия и с необходимостью для него уповать только на Бога Святого Израилева (Исаия). Иногда это был призыв к прямому отказу от обычной земной установки, которая сама по себе не обязательно представлялась греховной: так Иеремия призывал своих современников не защищать свою государственную независимость против Навуходоносора, а Иезекиил представлял народу плен в Вавилоне, как религиозное благо. Все это показывает, что все пророки, хотя и по-разному, тем не менее всегда призывали народ вступить на неожиданный, дерзновенный путь, ведущий его к подвигу веры.

Что обещали они народу на этом пути? Они обещали ему помилование, историческое сохранение, хотя бы, как это мы видим в проповеди Исаии, в виде маленького, праведного остатка, который даст новый росток, обеспечивающий славное мессианское будущее. Они обещали народу Новый Завет с Богом (Иеремия), при котором человек будет научен воле Божией непосредственно самим Богом, который скажется в том, что Бог заменит у человека сердце каменное сердцем плотным и уже не на скрижалях, а в сердце человека напишет свой закон (Иезекииль). Пророки тоже открывали перед Израилем Мессианские перспективы, предсказывая ему воцарение праведного, славного царя из дома Давидова, который установил на земле боговедение, мир и правду (Исаия), возвещая также искупление грехов людей через страдания Раба Господня (Ис. 52-53), изливание Духа Святого на всякую плоть (Иоиль), пришествие Царства Сына Человеческого, как Царства Божия (Даниил). Возвещая это, пророки обещали Израилю уже нечто большее, чем обладание землею

Ханаанскою и даже вообще землею. В этом и лежит причина, по которой сказанное в Ветхом Завете израильскими пророками сохраняет всю свою силу и имеет пребывающее значение на все времена. Что же можно сказать о вере этих пророков?

Основание этой веры, то же, что и у веры Моисея: обетования, данные Богом отцам. Ее главный предлог: богоизбранность Израиля и, потому, нерушимость обещаний, касающихся славного, радостного будущего для Израиля и для других народов. Как и для Моисея, эту веру питает опыт общения с Богом. Он подается либо через особые откровения о святости Божией (Ис. 6; Иезек. 1-2), либо через личный жизненный путь пророка (Осия, Иеремия). Главный догмат этой веры: Ягве, Бог Израилев, присутствующий среди народа, в его жизни, в его истории и сам ведущий свой народ. (Исх. 33; 12 и сл.). Но ни один из пророков, подобно Моисею не вошедшему в Ханаан, сам не видит исполнения того, о чем он возвещает. Это показывает, что подвиг веры для него остается во всей силе своей и полноте.

Какова же природа этой веры? Она та же, что и у веры всякого. Это есть доверие к живому Богу, выводящее дух человека в надмирное, приводящее его к соприкосновению с Богом, дающее ему познать божественную преображающую силу. Веру пророка отличают только ее проявления, а именно — ее дерзновенность, ее особая зрелость, ее сила. При этом она всегда ортодоксальна, т. е. всегда идет в линии богооткровенной религии; одновременно, она всегда сопряжена с предельным братолюбием: пророки жертвенно служат народу, молитвенно за него предстательствуют, даже если входят в конфликт с ним. Конфликты эти часто неизбежны, так как подвиг веры, к которому пророки зовут народ, несовместим с закостенением в грехе, с духовным застоєм во всех его разновидностях. Пророки, поэтому, выступают как этическая и религиозная совесть Израиля. Но каковы бы ни бывали эти конфликты, каковы гонения не обрушивались на пророков при этих конфликтах, пророки, при их братолюбии и ортодоксальности их веры (см. судьба пророка Иеремии), никогда не порывали со своим народом и не объявляли, что они выходят из его состава.

III. — Вера пророков и вера в Новом Завете.

Что же, теперь, можно сказать о той вере, которая должна быть свойственна пророкам в Новом Завете? Каково, в частно-

сти, соотношение между пророческой верой и верой, которая должна быть свойственна всякому сыну Нового Завета, поскольку он, как ученик Христов, этим самым уже призывается к пророческому служению? Действительно, уже то, что мы не под законом, а под благодатью, открывает для нас путь пророческий. Мы призываемся не по законнически, а творчески исполнять волю Божию, стараясь ее познавать, любить ее, и быть «догадливыми» в выполнении нашего призвания, быть сынами света (Лук. 16; 8). Мы также призываемся видеть руку Божию в событиях нашей жизни, ибо и нас, подобно Ветхому Израилю, Бог может вести через кризис, судя нас, обращая к нам Свой зов верою искать перехода в новое состояние, войти в лучшее знание силы Божией. Какова же должна быть наша вера? По существу она — то же, что у Израиля и его пророков. Но как новозаветная, она основана не на обещанном и ожидаемом, но на уже дарованном и совершавшемся: на пришествии Христа, на Его победе, на дарованной им в Святом Духе, ничем не ограниченной благодатной помощи, подаваемой сверх всякой меры всякому хотящему следовать за Ним. И так мы верим в пришедшего Сына Божия, в благодать и ее силу, в нашу призванность быть ей причастными. Основные свойства нашей веры: та же уверенность, что и в Ветхом Завете, в неложности всякого сказанного Богом слова и, в частности, одного из главных евангельских обещаний: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матф. 6; 33). И, как и в Ветхом Завете, и новозаветная вера остается также сопряженной как с ортодоксальностью, так и с братолюбием, иначе говоря, всякий истинно верующий не может не пребывать, как это было у всех пророков, в живой связи с народом Божиим, т. е. с Церковью.

Но бывает, что и в Новом Завете некоторые верующие призываются быть пророками не только в своем личном хождении перед Богом, но для всего новозаветного народа Божия. Книга Деяний называет нам Агава, как одного из таких пророков (Де. 11; 27-30; 21; 10 и сл.). Таким пророком несомненно явился как избранный сосуд благодати, и апостол языков Павел. Пророки также появляются в истории Церкви или в истории святости. К их числу без всякого сомнения можно отнести некоторых отцов Церкви, как, например, св. Афанасия Великого. К их числу принадлежат и старцы XIX и начала XX века. Пророческий дар может проявляться в творчестве некоторых великих писателей, напряженно живших вопросами веры, как это было, например, у

Достоевского. Бывали и бывают в Церкви некоторые явления, определенно связанные с пророческим духом: таковым может считаться возникновение в Антиохийском патриархате Православного Движения Молодежи, глубоко изменившего православную церковную действительность в странах Сирии и Ливана. Все то, что приводит к разрешению через духовный подвиг кризисов в Церкви, а также кризисов в масштабе государственном и мировом, несомненно тоже причастно пророческому духу.

Что можно сказать о самом этом даре и об его проявлениях в Ново-заветной Церкви? Как и в каком Завете пророческая харизма пребывает в полной власти Бога: она бывает дана, или не дана? Если она и дана, то никто сам себя не может поставить или провозгласить пророком. Если она дана, то дар пророческий подается независимо от иерархической власти. Он, конечно, проявляет себя в дерзновении, в борьбе со всякой ложностью и застоєм духовным; он выливается в призывы, обращенные либо к какой-нибудь группе верующих или ко всему народу церковному, превзойти себя, искать благодатных, новых путей в разрешении встающих и кажущихся неразрешимыми вопросов. Как в Ветхом, так и в Новом Завете пророки сами — герои веры, чтобы своею верою быть в состоянии и других поднять на подвиг веры.

Вера пророка в Новом Завете тоже остается ортодоксальной, т. е. связанной со всей полнотой Истины. Иначе, как пророк будет наставлен в Истине? Он никак не может ставить человеческое на место Божьего, подменять большее меньшим, целое частичным. Как и в Ветхом Завете он всегда, например, будет вставать против всякой попытки поставить благочестие вместо догматической, моральной и канонической правды, напоминая, что всякая такая попытка совершенно обесценивает благочестие, как и всякую частичную правду, ставимую выше всей полноты правды. Пророки тоже продолжают иметь в виду как всю полноту человека, так и всю полноту народа Божия. Они обращаются, взывая к вере, не к какой-нибудь части человеческой личности (инстинкт самосохранения, узко-национальные, классовые и другие чисто-человеческие интересы или привязанности), а ко всей полноте личности, ибо вера захватывает все ее стороны. Они также пекутся и о некоторой части народа Божия, группировке, партии, категории людей, и о всем народе Божиим. Нельзя никак видеть пророков как социальных агитаторов, трибунов народных и тем более как демагогов и даже политических вождей. Все эти роды деятелей всегда выступают от имени частичных интересов.

Пророки, даже защищая социальную правду, имеют в виду весь народ Божий и его вечное спасение. Ради этого они не боятся идти на конфликты, идти против течения. И если они защищают чьи-то интересы, это всегда и на первом месте интересы Божии в народе Божиим. Ибо, как в Ветхом, так и в Новом Завете содержанием основного догмата пророческой веры является Бог всегда живой и действующий, направляющий события, ведущий через кризисы как суды и отдельных людей, и целые народы для того, чтобы всех сделать единым телом и соединить с Собою во едином, святом народе Божиим — Церкви.

Обратимся, в заключение, к переживаемой нами эпохе. Она преисполнена волнений, бед, тревог и великих потрясений. Она потому несомненно несет в себе предупреждения свыше, даваемые Богом и Церкви и миру, а также и суд Его и с ним исходящий от Него зов искать и найти с Его помощью выход из трудностей, который должен поразить всех и своей новизной, и неожиданностью, и простотой, и плодотворностью, как всякий результат совместного творчества Бога и человека. Но, как и где искать если не самый этот выход, то хотя бы слово со властью, которое должно прозвучать как пророческое и твердо и ясно его указать? Во всяком случае не в рабствовании духу времени, не в абсолютизации земных задач, программ и лозунгов, ибо всякая абсолютизация земного и рабство перед ним есть идолопоклонство. Пророки же всегда шли против всяких идолов во имя чистоты веры и всепредельной верности Богу. К этой верности они, прежде всего, и направляли народ, ибо только в ней он обретал себя как народ Божий, осуществляя этим сущность своего призвания. Воздвигнуть пророка лежит во власти одного лишь Бога.

У Бога потому необходимо сейчас Церкви просить о пророках, пребывая при этом предельно верной, предельно творческой и жертвенной, изобретательной в любви, иначе говоря пророчесственной, отвечающей призванию, уповающей на полученный ею дар и твердо помнящей, что вера не бывает тщетной, ибо от веры надежда, а надежда не постыжает (Рим. 5; 3-5). Это сейчас наивернейший путь, ибо таково обетование Божие, таков тоже итог опыта веры, веры церковной, веры святых и всех живших верою, и особенно тех, кто по преимуществу учил путям веры, т. е. все тех же пророков как Ветхого, так и Нового Завета.

Памяти прот. Петра СТРУВЕ

НАДГРОБНОЕ СЛОВО АРХИЕПИСКОПА ГЕОРГИЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Ваши Пресвященства, дорогие о Господе Отцы,

Вспомним слова Господа: Братия и Сестры.

33. *«Смотрите, бодрствуйте, молитесь; ибо не знаете, когда наступит это время.*
34. *Подобно, как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть, и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать.*
35. *Итак бодрствуйте; ибо не знаете, когда придет хозяин дома, вечером, или в полночь, или в пение псизмов, или поутру.*
36. *Чтобы, пришед внезапно, не нашел вас спящими.*
37. *А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте».*

(Мф. XIII. 33—37).

Вот и наш дорогой отец Петр, неустанно стремившийся на протяжении жизни своим деланием к Господу, почувствовал зов Спасителя, Который ему сказал, что пришло время покинуть ему сей мир. Все мы знали, что к этому зову он был готов, как созревший колос на ниве Христовой: и Господь взял к Себе его уготованную душу, чтобы вселить ее в райскую красоту — некоторые могут подумать, что это как-то несправедливо.

Но те, кто знал, и слушал Матушку, знают о той тесной связи, которая связывала этого служителя Церкви с Господом; знают как действительна и крепка была эта связь между ним и Божиим Светом, — и она (матушка), оставшаяся здесь с детьми, поняла это сразу. Она знала о постоянной беседе (глубокой вере) батюшки с его Творцом и Спасителем. Сразу она почувствовала, хотя сердце ее обливается кровью, и поняла, что для ее мужа этот отход является как бы наградой, что теперь ему дано петь хвалу Богу и Творцу с ангелами.

Ведь Господь взял к себе верного Своего служителя по окончании его последней Литургии на земле. Он утром приносил Бескровную Жертву в Старческом Доме. Этим самым Господь как бы предупреждает нас и не слышим ли

Прот. Петр Струве
(1925 - 1968)

мы Его голос полный любви: «Я взял в обитель Мою самого достойного среди вас; Я его упокоил и наградил, — А вы, бдите и молитесь. Не забывайте, что вы живете не для мира сего, а для Царствия, обещанного вам Отцом Моим, но вы должны быть достойны этого» — не в этом ли заключается то завещание, которое нам оставил наш дорогой о. Петр: сколько раз говорил он, проповедуя: «Откажитесь от эгоизма, думайте о других, отдавайте все возможное ближнему и бдите — главное же: «Любите друг друга, ради Бога».

В нашем приходе, здесь, о. Петр учил духовных чад своей жизнью, простотой, преданностью, кротостью, жертвенностью и большим мужеством. Он был полностью покорен воле Божией, — и о себе не думал, за себя не боялся.

Вера о. Петра была железная, железо раскаленное любовью ко Христу.

Вся его жизнь была отдана за Христа. Очень трудно в нескольких словах описать краткую жизнь — по человеческим силам — этого Пастыря, но столь намоленную верой, надеждой на милость Божию, и беспредельной любовью ко всем. О. Петр отдал себя полностью и без возврата на служение Богу и людям. Был он горячим христианином, семейником, врачом, потом он в дополнение посвятил себя Господу Богу, приняв сан. Он был к этому готов, и все мы поняли, что на путь священства привел его наш дорогой и всеми уважаемый Владыка Кассиан, который его также очень любил.

О. Петр был глубоко привязан к русской культуре, к русским традициям — и вот наступило для него первое глубокое испытание. Нужен был священник для французского прихода: обратились к о. Петру, и он согласился сразу, без оговорок, но все мы знаем, как в глубине его души, трудно было ему расстаться с Подворием, с его духовным очагом, с тем местом, где воспринял священство, и которое он так любил.

Особая черта о. Петра была его глубокое послушание; без оговорок, несмотря на личную усталость, работу или семейные обстоятельства, он всегда исполнял то, что было нужно для Святой Церкви. Всегда и во всем первое его служение было Господу Богу, и в этом ему помогала вся его семья.

О. Петр отдал себя полностью святому делу распространения Святого Православия на Западе, и благодаря исклю-

чительному его милосердию, исключительной его чувствительности, он сумел соединить Запад и Православный Восток; не было в его работе пастырского захватничества, насильственного переведения; сумел огородить он также свой приход от всякого фольклора. И я помню с какой сыновней любовью он приходил ко мне для обсуждения вопросов, касающихся применения наших русских церковных традиций к его западному приходу, в котором были — и греки, и русские, и болгары, румыны, сербы, македонцы и настоящие французы, в которых он пробудил любовь ко Христу или даже открыл им Христа. Я особенно хочу отметить старания о. Петра — открыть всем своим духовным чадам истинное лицо Православия, но в форме как можно более для них понятной.

Я всегда с большим интересом следил за его пастырской деятельностью. Когда он предлагал некоторые применения для Западного прихода наших церковных обычаев, что всегда было возможно, так как от меры он никогда не отходил. О. Петр был глубоко привязан к традициям Русской Православной Церкви. Помню, когда возникали некоторые вопросы, он приходил ко мне и с такой доброй улыбкой говорил: «Владыка, мне кажется, что мы смогли бы сделать так...». И правда, надо было делать так, потому что это было к лучшему.

Но зато, как радостно было следить за духовным возрастаньем его прихода. Стоило спуститься в Нижний Храм, в один из воскресных дней, чтобы почувствовать глубину духовной жизни.

И вот, когда мне надо было создать приход в Брюсселе для православных бельгийцев, то я сразу обратился к о. Петру, — и тут труд его завершился успехом — бельгийская семья крепнет и развивается, несмотря на противодействие исконного врага (князя мира сего). — Батюшка о. Хюг-Марк свидетельствует об этом своим присутствием сегодня здесь.

Но как я уже вам говорил, невозможно вкратце описать жизнь и труды дорогого нашего о. Петра.

Все мы знаем его деятельность по экуменическим делам. Для примера возьму несколько слов из только что полученного письма от Реннского Архиепископа Mgr Gouyon и телеграмму, посланную Пастором Е. Блэком, Генеральным Секретарем Всемирного Совета Церквей.

О. Петр также занимался телевидением, а главное, продолжал руководить Православной Молодежью, для которой дом его был всегда открыт.

Надо было напомнить также о Риме, Упсале, Ливане, Святой Земле, везде, где ему приходилось поработать для славы Святой Церкви, везде, где после его посещений завязывались глубокие дружеские отношения. Для о. Петра слово дружба — не было простым словом — для друга он все отдавал — в дружбе все связывалось Христовой Любовью — и всегда и везде, этот дар о. Петр нес с собой во славу Бога, с большой кротостью и глубоким смирением, это была его сила.

Потому что он слышал голос Христа, говорящий ему: «Отвергнись себя и следуй за Мною».

Он последовал за Христом, без оговорок, ничего не требуя — и всем, которых он встречал и которые следовали за ним, казалось нормальным идти этим путем, за Христом. Обо всем этом может свидетельствовать наш молодой Французский приход, которому я позавчера сказал, что он должен продолжить указанный о. Петром путь.

Этот приход для всех нас будет живым памятником отшедшему Пастырю, и в силу стремлений почившего, должен всемерно помощью Божией возрастать, и мы верим, молитвой духовного отца, укрепляться.

Верим, что о. Петр взывает ко Христу о своих духовных чадах, — «соблуди их во имя Твое, тех, которых Ты мне дал, чтобы они были в единении с Тобой».

Дорогие мои братья и сестры во Христе, будьте достойны вашего духовного Отца, и следуйте указаниям того, которого вы сегодня провожаете к месту упокоения.

От души вас благодарю за выявленную любовь в нашем тяжелом испытании. Представляю себе нашего дорогого о. Петра, удивленного таким стечением, отвечающего со смирением и глубокой кротостью Господу:

«Господи, Ты дал мне пять талантов, вот Тебе другие пять талантов, которые я приобрел на них».

И голос Господен отвечает ему:

«Хорошо, добрый и верный раб, войди в радость Господа твоего». Аминь.

7 декабря 1968 г.

Прот. Алексей КНЯЗЕВ

К кончине о. Петра Струве

Елисей же смотрел и воскликнул:

“Отец мой, отец мой! Колесница Израилева и конница его”. И не видел его более.

Царств. 12.

Такими словами книга Царств описывает священный ужас, который охватил Елисея при виде взятия на небо Илии. Нечто подобное испытали многие, когда с быстротою молнии разнеслась по Парижу страшная весть о катастрофе, в которой неожиданно погиб о. Петр Струве. То же самое пришлось испытать и потом, у его гроба, в Александро-Невском соборе, где толпы народа, молясь об упокоении его души, старались, насколько это возможно, выкинуть в тайну его ухода из этой жизни и в тайну того явления, которое он сам представлял, когда, живя на этой земле, он нес совершаемое им служение Богу и ближнему.

Как некогда уход из земной жизни Илии, так и уход о. Петра поражает своей внезапностью и своею стихийностью. Подобно Илии, взятому в стихии огненной, природной, о. Петр оказался унесенным в стихийном вихре современной жизни, с ее гремящими моторами, несущимися машинами, быстро сменяющимися событиями. И как взятие Илии было отрывом его из среды целого народа, так о. Петр оказался отобранным в кончине своей от целого сонма людей, связанных с ним бесчисленными и самыми разнообразными узами. И потому, хотя в уходе о. Петра проявление руки Божией было для всех очевидным, многие и многие, сейчас, после совершившегося, чувствуют себя одинокими, неприкрытыми, оставленными.

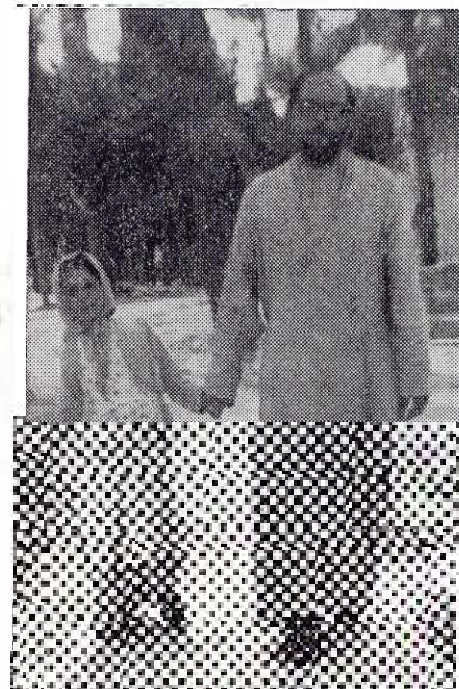
Елисей, видя Илию восходящего на небо, назвал его колесницей Израиля и конницей его. Что могут означать эти слова? Их смысл таков: в дни своей жизни Илия заменял для Израиля и колесницу и конницу, т. е. в себе одном являл для Израиля оплот более надежный и значительный, чем все его земные силы. Нечто подобное можно сказать и про о. Петра из-за множества совершаемых им дел, из-за количества и разнообразия служений, которые, живя среди нас, он нес все, выполняя с одинаковой силой, жертвенностью и вдохновением. Он в дни юности своей захотел быть пастырем. Но он сперва оказался врачом, видя в этом такую же возможность жертвенной отдачи себя людям. Он не проходил

традиционной подготовки к священству, даваемой в богословской школе. Тем не менее, вдруг, в наше нелегкое время, отмеченное к тому же, оскудением священнических призваний, как у нас, православных, так и во всем христианском мире, он неожиданно оказался в рядах священства, сразу в них обрел себя как водитель душ и, можно сказать, ни секунды не медля понес свет Христов в самые разнообразные области современной жизни, проявляя себя и в душепопечении, и на других поприщах как проповедник и организатор, и как лектор, как общественный и экуменический деятель. Он вел работу с молодежью, создавал французскую православную общину в нижнем храме на рю Дарю, организовывал православные передачи по радио и телевидению, выполнял важные церковные поручения, ездил на съезды общехристианского значения, встречался со всеми представителями христианской современности. Всюду он нес свидетельство о Христе, всюду ратовал об истинном мире, о водворении среди всех подлинного согласия и братства. Всюду он предельно отдавал себя, не думая о себе, не щадя своих сил. Работая во всех областях, совершая один труд многих людей, он этим подтвердил воочию, что Бог в любви своей не оставляет народ свой, что не бездействует благодать, что, если Ему это нужно, и через одного человека, в моменты оскудевания земных сил и надежд, Бог может совершить великое дело.

Отец Петр ушел от этой жизни. Он сейчас, несомненно, у Господа. Он был призван, как верный раб, умноживший свой талант. Он был призван потому, что и там, за гробом, Господу оказываются нужными Его верные воины, полагающие, здесь на земле живот свой за други своя.

На отпевание его собралось бесчисленное множество людей, не могущих полностью вместиться в храм. Все оставались до конца отпевания, несмотря на долгую службу. Все не расходилось, несмотря на усталость, даже и тогда, когда служба была кончена, когда гроб о. Петра, обнесенный вокруг собора на руках его братьев, был уже поставлен на траурную колесницу. Поражало это церковное торжество и своим многолюдством, поражало оно и своей молитвенностью. Но особенно поражало оно новыми, им обновленными, выявлениями церковной действительности, ради которых больше других и трудился о. Петр, полагая на это все свои силы. Причащались Св. Тайн почти все бывшие за литургией. Община его по любви к своему пастырю предстала как подлинная христианская семья. Бросилось в глаза присутствие бес-

численных молодых, полностью осознавших свою принадлежность к Церкви, а так же участия, как в клире, так и среди мирян, православных не-русского, не греческого и, вообще, не восточного происхождения, которых все принимали как братьев, как полноправных, как подлинных членов церковного тела. Все это светлые знаки будущего Церкви, как и провиденциальности дела отца Петра и всего его служения.

«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный» (Тимоф. 4, 7-8). О. Петр совершил течение, явив в священническом служении своем, которое с такой быстротою пронеслось перед нами, тайну Промысла Божия о Церкви, его действия в Церкви, его обновляющей силы. Скорбь разлуки при последнем целовании еще давит наше сердце. Но тут почтил Господь верного раба своего, через которого Он столь многих привлек к Себе. Воистину опять явил Он силу Свою и любовь Свою при всей неисповедимости и непостижимости Своих путей.

Вечная память ушедшему! Мир и утешение от Господа всем, для кого он был отцом, другом, пастырем, братом стремясь всегда быть всем для всех, чтобы во всех зажглась бы и горела живая Христова вера, как и подлинное христианское братолюбие.

ПАМЯТИ О. ПЕТРА СТРУВЕ

Во вторник 3 декабря, в автомобильной катастрофе, был убит протоиерей Петр Струве, — ему было сорок три года.

Не говоря уже о семье и о многочисленных друзьях, это страшная потеря для Архиепископии в Западной Европе, а так же и для Русского Студенческого Христианского Движения.

Отец Петр был одним из ведущих клириков Архиепископии и кроме того, настоятелем единственного в епархии французского прихода. Ему так же был поручен и зарождающийся бельгийский приход в Брюсселе.

О. Петр Струве придавал исключительное значение делу внутреннего обоснования Православия в Западной Европе. Может быть во всей многосторонней деятельности о. Петра это начинание и было наиболее близкое его сердцу, — ему он и отдавал лучшие свои силы.

Под его водительством французский приход, помещавшийся в нижнем храме Александро-Невского собора, стал образцовой церковной общиной. Отец настоятель проповедовал и за литургией и на регулярных собеседованиях, на которых изучалось Св. Писание. Кроме того, эти живые слова печатались в приходском журнале. Сплоченный приход участвовал вместе со своим настоятелем в отправлении службы Божией. Прихожане сознавали свою миссионерскую ответственность в деле сближения церквей.

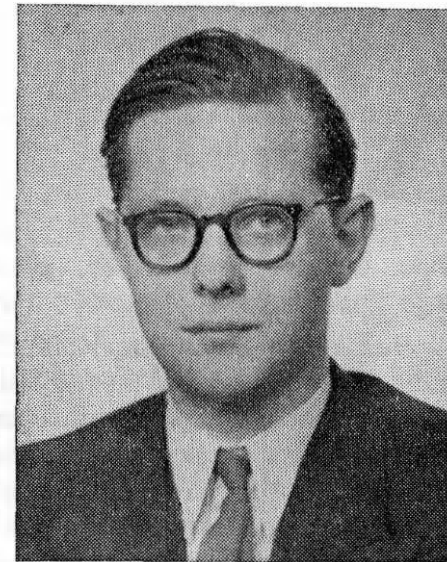
Отец Петр был видным деятелем Экуменического Движения, о чем свидетельствует траурная телеграмма соболезнования Генерального секретаря Всемирного Совета Церквей.

Отец Петр Струве мыслил свое служение как свидетельство о Вселенском Православии во временных условиях эмиграции в чужих странах. В особенности же он ревновал о воплощении поместного начала Церкви и считал, что оно является единственно положительным выходом из застоя церковной жизни в православных общинах, живущих на Западе.

Лучшая молитвенная память об усопшем о. Петре Струве — это продолжение его знаменательного начинания.

О. Петр Струве был также одним из видных деятелей Р.С.Х.Д. Юным студентом-медиком он поступил в эту организацию право-

славной молодежи — замечательнейшего проявления церковной действительности за рубежом, сознательно принявшего наследство движения духовного возрождения русской передовой интеллигенции и возврата последней к Церкви в начале настоящего столетия.

Петр Алексеевич Струве

На этот путь толкала отца Петра семейная традиция, связанная с именем П. Б. Струве, известного мыслителя и общественного деятеля. В Русском Студенческом Христианском Движении о. Петр сблизился особенно с о. Василием Зеньковским, основателем и духовным руководителем Движения. Это обстоятельство и объясняет то, что о. Петр был погребен в могиле своего духовного наставника на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Для более полной оценки духовного облика о. Петра Струве следует обратиться и к другим сторонам его деятельности и в юности его и в более зрелом возрасте.

Молодой студент-медик Петр Струве принял участие во французском освободительном движении. Но сознательный патриотизм не заслонял в нем человека и христианина. Когда в Париже начались бои перед уходом оккупационных отрядов, Петр

Струве вышел на улицу с друзьями чтобы оказать врачебную помощь и ему удалось вырвать от расправы несколько сдавшихся немецких бойцов. А после освобождения столицы, студент Струве, записался в регулярную армию.

О. Петр никогда не забывал и свою «русскость». Он зорко следил за всеми проявлениями духовного движения, постепенно нарождающегося в Советской России. В частности он был хорошо знаком как с издающейся легально, так и с подпольной литературой. Не упускал он случая завязать живой контакт с людьми, приезжающими из Сов. России.

Когда произошло всенародное восстание в Венгрии, он болел за русское имя и добрую славу русского народа. Он приютил у себя дома венгерских беженцев, посильно свидетельствуя о подавленном на родине христианском лице русского народа.

Духовный путь Петра Струве определился в Русском Студенческом Христианском Движении. Мне лично помнится его участие в первой миссионерской поездке, организованной Движением для посещения провинциальных приходов, изолированных вследствие военных событий. В этой поездке в Коломбелль в 1947-м году, принимала также участие молодая студентка Таня Лебедева, которая вскоре и обвенчалась с Петей, как все друзья называли его в ту пору.

На съездах Р.С.Х.Д., в кружках, сперва в качестве участника, затем, как водитель, в этой практической живой школе он и изучил духовные вопросы Священного Писания, православное богословие.

Он не упускал случая, чтобы слушать лекции профессор-богословов, но, одновременно, много читал книг по вопросам богословия и философии. Вообще, сердце его клонилось к духовному служению в Церкви. В 1964 году молодой врач принял священство. При разбросанности православного населения, при оскудении священнических призваний, он пошел и для себя и для семьи на трудный подвиг. Ежедневно он должен был поспеть на служение людям и на врачебном и на священническом поприще.

Доброта о. Петра была поразительна. Кроме лечения больных, скольким он помогал материально, несмотря ни на что его всесторонняя деятельность не увеличивала, а, напротив, ограничивала его средства. Гостеприимство о. Петра и его семьи не знало границ, все принимались с лаской, которую никогда не забудут.

Духовный размах о. Петра Струве, можно сказать, был мирового масштаба. Он объездил всю Европу, в частности, как активный участник Синдесмоса, координационного центра всех существующих Движений Молодежи православного мира. Отец Петр был особенно тесно связан с Ливанским и Сирийским Движением Молодежи: часто туда ездил и постоянно принимал у себя членов Арабского Православного Движения.

В соответствии с такой насыщенной жизнью, сама смерть отца Петра Струве была знаменательна: она оказалась христианской, непостыдной, безболезненной и мирной, она случилась, когда он возвращался с литургии, которую он отслужил, как каждый вторник, в старческом доме в Шелле и направлялся к исполнению своей врачебной практики. Вдобавок, этот день оказался кануном праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, престольного праздника церкви Русского Студенческого Движения.

Это уже второй случай во Франции гибели православного священника за автомобильным рулем. Недавно так же погиб отец Валентин Бакст. Оба священника отличались своей открытостью к современному миру. Но оба все время напоминали о горнем, не закрывая глаза на то, что творится на земле. И оба были раздавлены злой силой техники. Тяжелым кажется иной раз посещение Божие. В неисповедимых путях Божиих нужно видеть вопросы, поставленные нам. Различными путями Господь являет любовь Свою и посещает народ свой.

Похороны о. Петра Струве, несмотря на горе и смятение, вызванные уходом такого человека, были светлы и в них была явлена правда его жизни.

Молодежь достойно ответила жертве пастыря, проведя перед гробом непрекращающееся чтение Евангелия и днем и ночью. Панихиды служились архиепископом Георгием, Митрополитом Мелетием, Экзархом Вселенского Патриарха, Митрополитом Илией Триполийским (Ливан).

В заупокойной литургии и в чине погребения принимали участие множество иереев всех юрисдикций. Значительная часть присутствующих, особенно из молодежи, приобщилась Св. Тайн Господних. Это было духовное торжество, праздник, возвещающий победоносную силу Воскресения Христова.

Вечная память доброму пастырю, дорогому отцу Петру!

ГОЛОСА ИЗ РОССИИ

ЕГО ВСЕСВЯТЕЙШЕСТВУ СВЯТЕЙШЕМУ АФИНАГОРУ, АРХИЕПИСКОПУ КОНСТАНТИНОПОЛЯ — НОВОГО РИМА ВСЕЛЕНСКОМУ ПАТРИАРХУ

от иеромонахов Почаевской Лавры
Сергия (Соломка)
Апеллия (Станкевич)

Почтительнейшее прошение.

Ваше Святейшество! Великий Господин! Святейший Владыко!

Обращаются к Вам, Великому Священному Главе, иеромонахи Русской Православной Церкви, как к милостивому Отцу и Первосвятителю Вселенской Православной Церкви. Вы, Ваше Святейшество, являетесь преемником Св. Иоанна Златоуста, который не знал страха перед сильными мира сего, который пламенел любовью ко всем страждущим и обремененным и оказывал помощь всем, кто к нему обращался. Вы, Ваше Святейшество, возглавляете Матерь-Церковь, от которой мы получили веру Христову, которая в течении 500 лет насаждала в нашей стране иерархию. От Вашей церкви приняли мы и монашеский чин. И до сего времени, русское иночество руководствуется в своих трудах и подвигах уставом преп. Феодора Студита и обычаями святой Афонской горы. Поэтому мы обращаемся к Вам, Ваше Святейшество, и уповаем на Вашу милость в трудную для нас минуту.

В 1959 г. начались гонения на нашу древнюю Лавру, свято-чтимую всем русским православным народом. Не считаясь ни с возрастом, ни с элементарными правилами справедливости, чести, человечности, местные власти оскорбляли монахов, с грубым насилием изгоняли их из монастыря, разоряли древнюю обитель, арестовывали иноков. Зверства местных властей потрясли весь мир, возмутили всех честных людей, как верующих, так и неверующих. Только благодаря энергичным протестам местного населения и мировой общественности, властям не удалось совершенно закрыть нашу древнюю обитель и в ней по сей день совершается богослужение. Однако, с еще большим ожесточением местные власти в лице сотрудников КГБ и милиции преследуют нас, иноков, отказавшихся в свое время подчиниться незаконным и не-

справедливым требованиям покинуть Лавру. Иеромонах Амвросий Довгань (инвалид Отечественной войны) уже третий год томится в тюрьме только лишь за желание жить в Лавре, во исполнение обета, данного им при пострижении. Мы также отбывали наказание за отказ покинуть дорогую нашему сердцу Священную Лавру.

Иеромонах Сергей (Соломка) отбыл 1 год заключения в лагере с 17 августа 1962 г. по 17 августа 1968 г.

Иеромонах Апеллий (Станкевич) — 3 1/2 года заключения. В общей сложности был три раза судим.

В течение всего этого времени мы ведем жизнь диких зверей. В промежутках между арестами нам непрерывно угрожают новыми карами и упорно отказывают в прописке. Уже нет никаких человеческих сил терпеть эти мучения. Но, оказывается, это еще не конец, чаша наших страданий все еще не исчерпана.

Несмотря на то, что иеромонах Сергей (Соломка) Указом Архиепископа Львовского и Тернопольского Преосвященнейшего Николая от 11/1-67 г. назначен служить в Лавре, а иеромонах Апеллий (Станкевич) рукоположен с этой целью в иеромонахи в день Сретения Господня (15 февраля 1967 г.), власти категорически отказались прописать нас в Лавре. Правда, местные органы КГБ предлагают нам условия, при которых мы можем быть прописаны. Этим условием является следование по стопам Иуды Искариота. Мы, конечно, на эти условия пойти не можем, не для этого мы пошли в монахи и приняли благодать священства.

Мы неоднократно обращались с просьбами о помощи к нашему Архиепископу и к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию и также к другим иерархам. Все эти обращения остались тщетными и наши иерархи не хотят нам помочь.

Летом этого года мы обратились (в который уж раз) к Председателю Президиума Верховного Совета Подгорному и к Председателю Совета Министров СССР Косыгину с просьбой о защите нас от беззакония. Но, однако, и эти обращения не только остались безрезультатными, как и десятки других подобных обращений, но даже после этого гонения на нас еще усилились. Однажды власти ворвались в дом, где проживал иер. Сергей и устроили обыск, не имея на то никаких оснований. При этом вели себя недостойно, угрожали хозяйке дома. По имеющимся у нас сведениям, в настоящее время уже имеется решение о нашем аресте, что видно хотя бы из самой мотивировки ответа уполномоченного Радченко (см. приложения по тексту письма).

Как мы писали выше, все наши просьбы защитить нас от произвола властей остались гласом вопиющего в пустыне. Совсем недавно (в прошлом году) в газете «Известия» была напечатана статья Председателя Совета по делам религии при Совете Министров СССР Куроедова, в которой отрицались факты гонения на церковь. Он писал в своей статье, что в СССР всем гражданам предоставлена свобода вероисповедания, которая гарантируется Советскими законами.

С подобными же утверждениями выступают и иерархи Русской Православной Церкви — Его Святейшество Патриарх Московский и Всея Руси Алексий, Председатель Отдела Внешних Церковных сношений Никодим и др. Насколько эти слова далеки от действительности положения дел в нашей многострадальной Русской Православной Церкви, Вы, Ваше Всесвятейшество, можете судить по фактам, описанным нами. К великому сожалению следует сказать, что это не единичные случаи грубейшего произвола, чинимого в отношении Церкви. И в настоящее время многие верные пастыри и чада Русской Церкви страдают от указанного беззакония. В своих просьбах, направленных в органы власти нашей страны, мы не просили для себя каких-либо исключительных условий, а требовали только соблюдения тех прав, которые гарантированы нам, как гражданам своего Отечества, конституцией и другими советскими законами.

В связи с этим обращаемся к Вам, Ваше Всесвятейшество, Вселенский Учитель, поставленный Господом нашим Иисусом Христом, блюсти и назидать Церковь, как к последней нашей надежде. Помогите нам Вашими святыми молитвами пред Престолом Божиим и выступите в нашу защиту от лица Вселенской Православной Церкви и ходатайствуйте перед соответствующими властями о разрешении выехать нам на Святую гору Афон, или в какую-либо другую обитель, где бы мы могли выполнить до конца свой иноческий обет, данный Господу нашему Иисусу Христу и Матери Церкви.

Отдавая себя в руки Господа, мы поручаем себя Вашему Отеческому Попечению. Ваше Всесвятейшество, Великий Господин, Святейший Вселенский Патриарх.

Нижайшие послушники и смиренные богомольцы.

смиренный иеромонах Сергей (Соломко)

смиренный иеромонах Апеллий (Станкевич)

август 1967 г.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

От гр. Талантова Бориса Владимировича,
г. Киров (обл.) 2, ул. Урицкого дом 12 кв. 1.
26 апреля 1968 г.

Жалоба.

31 мая 1967 г. в газ. «Кировская Правда» была напечатана статья О. Любовикова «С открытым Забралом», которая содержит клеветнические утверждения, грубые угрозы и необоснованные оскорбления, направленные в мой адрес. Статья привела к тяжелому трагическому последствию и поэтому я вынужден обратиться к Вам с настоящей жалобой, к которой прилагаю и указанную выше статью.

Следующие события вызвали появление статьи О. Любовикова:

В августе 1966 г. 12 верующих Кировской обл. (в числе их и я) направили в Москву с Афанасьей Ребяковой, уроженкой села Рой, Арбажского р-на Кировской обл., открытое письмо на имя Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

В основном письмо содержало описание недостойных поступков местного епископа Иоанна, направленных на расстройство церковной жизни. Поэтому верующие просили Патриарха немедленно удалить епископа Иоанна. Между прочим, в письме было указано, что местные гражданские власти с 1960 г. по 1964 г. незаконно и насильственно закрыли в Кировской обл. 40 церквей (53 %), иконы и иконостасы в этих церквях сожгли, материальные ценности расхитили, а некоторые церкви полностью разрушили без всякой необходимости.

Афанасия Ребякова это письмо в Москве перепечатала на машинке и один экземпляр вручила в августе 1966 г. Патриархии, а остальные экземпляры раздала своим московским знакомым.

В развитие этого письма я написал другое письмо в адрес редакции газ. «Известия» под названием: «Советское государство и Христианская религия», которое в ноябре 1966 г. направил в Москву с той же Афанасией Ребяковой. Это письмо, как видно из почтового уведомления, было получено редакцией газ. «Известия» 19 декабря 1966 г. А. Ребякова в Москве напечатала

на машинке несколько копий этого письма, часть из которых она раздала московским знакомым, а часть оставила себе. **11 января 1967 г.** Афанасия Ребякова, направляясь на родину, скоропостижно скончалась от паралича сердца недалеко от своей деревни, а ее сумка с несколькими копиями моего письма в газ. «Известия» была взята милицией и направлена в Кировское Управление КГБ.

«Открытое письмо Кировских верующих Патриарху Алексию» неизвестным нам способом было передано за границу и **8 декабря 1966 г.** радиостанция Би-би-си объявила его содержание.

14 февраля 1967 г. я был вызван в Кировское Управление по поводу указанных выше писем. Здесь мне предложили официально отказаться от своей подписи под «Открытым письмом Кировских верующих», ставшим известным за границей. В письменном объяснении я указал, что, будучи автором «открытого письма» и письма, адресованного редакции газ. «Известия», я подтверждаю подлинность своей подписи под «открытым письмом» и выражаю готовность отстаивать правильность содержания обоих писем, однако, мне абсолютно не известно, как «открытое письмо Кировских верующих» попало за границу.

В тот же день сотрудник КГБ изъясил на квартире мой рабочий архив, состоящий из конспектов различных философских сочинений с моими комментариями. Сотрудники КГБ обещали возвратить этот архив после просмотра, но это обещание до сих пор не исполнили.

Позднее, **25 февраля**, из передачи радиостанции Би-би-си я узнал, что в то самое время, когда я в Кировском УКГБ подтвердил подлинность своей подписи под «Открытым письмом Кировских верующих», в Лондоне митрополит Никодим объявил это письмо **анонимным** и поэтому не заслуживающим никакого доверия. Он изъявил готовность удостоверить истинность своего заявления клятвой на кресте и Евангелии. Из этого заявления следует, что или фамилии и адреса, поставленные под письмом, вымышленные и, следовательно, не существуют в природе, или эти лица никогда не подписывали того письма, которое стало известно за границей, а подписывали, может быть, какое-то другое письмо. После этой передачи мне стало понятно, почему УКГБ мне предлагали отказаться от своей подписи под «открытым письмом».

Меня, как православного христианина, крайне возмутило это заявление митр. Никодима, так как по предыдущей переписке с Московской Патриархией я убежден, что митр. Никодим не мог сомневаться в подлинности «открытого письма». Поэтому **22 марта** я направил на имя Патриарха Алексия письмо, в котором опроверг утверждение митр. Никодима об анонимности «Открытого письма Кировских верующих» и подтвердил достоверность его содержания.

Кроме меня «открытое письмо» подписали еще семь граждан гор. Кирова. **В начале апреля** они по одиночке были вызваны по поводу этого письма в Кировский горсовет. Здесь допросы производила секретарь горсовета **Л. Останина**, которая называла меня «опасным человеком, имеющим связь с заграницей», и угрожала тюрьмой каждому, кто еще раз подпишет подобное письмо. Несмотря на угрозы, все подтвердили, что подписали «открытое письмо» добровольно и сознательно, а четверо из указанных лиц (в числе их **Е. М. Халявина**) направили **20 мая** письмо Патриарху Алексию, в котором они подтвердили сознательность своих подписей под «открытым письмом», ставшим известным за границей, и указали на то, что в Кировской обл. местные власти продолжают по прежнему притеснять верующих и отказываются открыть церкви, ранее незаконно закрытые.

В то же время сотрудники КГБ некоторых верующих, хлопотавших об открытии в гор. Кирове второго храма, запугивали связью со мною, называя меня «опасным политическим преступником». Наконец, один лектор в Политехническом институте, где в 1955-58 гг. я работал преподавателем высшей математики, публично назвал меня «врагом народа», как это практиковалось во времена Ежова. Следовательно, задолго до статьи **О. Любовикова**, местные власти начали по отношению ко мне открытую кампанию клеветы и угроз.

В числе подписавших «Открытое письмо Кировских верующих» был Никодим Николаевич Каменских, воспитанник Одесской духовной семинарии, постоянно проживающий в гор. Нолинске Кировской области. Инспектор этой семинарии **А. Н. Кравченко** потребовал от **Н. Н. Каменских**, чтобы он в письменной форме отказался от своей подписи под «открытым письмом», угрожая в противном случае исключить его из семинарии. **19 мая 1967 г.** **Н. Н. Каменских** в официальном заявлении писал: «Еще раз подтверждаю истинность своей подписи и свое согласие с содержанием документа («открытого письма» **Б. Т.**)». Тогда инспектор

семинарии, а также уполномоченный Совета по делам религии, потребовал от Н. Н. Каменских, чтобы он явился в Одесское Управление КГБ по адресу: Бебеля 43, Бюро пропусков, Гарбус 3. Но Н. Н. Каменских отказался исполнить их требование без официальной повестки от УКГБ. После этого 29 мая 1967 г. он был исключен из числа воспитанников Одесской духовной семинарии «за несоответствие духу семинарии». Таким образом Н. Н. Каменских решил лучше пострадать, чем отказаться от согласия с «открытым письмом». Но на этом не окончились его страдания. 20/VI нач. милиции гор. Нолинска отказался под разными предлогами прописать его по месту его постоянного жительства. 19 июня в своем прошении на имя Патриарха Алексия он писал: «Я считаю это исключение (из Одесской духовной семинарии Б. Т.) не справедливым, так как я поступил по требованию своей христианской совести, отстаивая правду. Митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим в феврале с/г. за границей объявил не существующими лиц, подписавших письмо из Кирова, а меня, одного из подписавших, за подпись исключили из семинарии».

Много пострадала за свою подпись и за хлопоты по открытию незаконно закрытой церкви в гор. Белая Холуница Кировской обл. гражданка этого города Агриппина Дмитриевна Зырянова, скончавшаяся 27 декабря 1967 г.

Эти факты вскрывают несомненную связь между действиями митр. Никодима и действиями органов госбезопасности, что является нарушением закона об отделении церкви от государства.

Таковы бесспорные факты, без знания которых нельзя правильно понять статью О. Любовикова, которая написана нарочито туманно.

Перехожу теперь к разбору этой статьи.

1. В начале статьи О. Любовиков измышляет ложь по поводу трагической гибели Афанасьи Ребяковой, которую он неправильно назвал Анфисой Ребяковой. Смерть этой женщины действительно остается загадочной, так как она, вопреки утверждения О. Любовикова, обладала завидным здоровьем. Этой загадочной смертью и воспользовался О. Любовиков, клеветнически возлагая вину за ее трагическую гибель на меня. Афанасья Ребякова вовсе не направлялась на родину для сбора подписей под каким-то письмом Талантова, а шла к своей сестре Анне Ребяковой в гости, что может

подтвердить последняя, так как Афанасья Ребякова послала ей из гор. Кирова посылку с извещением, что она скоро придет к ней. Милиция у мертвой Афанасьи Ребяковой никаких писем Талантова, которые следовало бы кому либо подписывать, не обнаружила. Милиция изъяла и передала в УКГБ машинописные копии известных писем Н. Эшлимана и Г. Якунина и машинописные копии моего письма в газ. «Известия», которое было получено редакцией 19/XII 1966 г., а смерть А. Ребяковой произошла 11/I 1967 г. Все это О. Любовикову хорошо известно, однако он измышляет несуразную ложь, чтобы опорочить меня. Следует пожалеть, что обстоятельства загадочной смерти А. Ребяковой недостаточно расследованы.

2. Далее О. Любовиков указывает, что Талантов в 1958 г. был сочинителем каких-то «бесстыдных клеветнических писулек», подписанных псевдонимом Бородулин, и что он где-то «клялся». О. Любовиков боится сказать правду, назвать вещи своими именами. О чем же идет речь?

18 июля 1957 г. я послал из гор. Кирова заказное письмо в газ. «Правда», которое мною не было подписано, но на конверте стояла, действительно, фамилия Бородулина, хотя в самом письме было указано, что обратный адрес на конверте ложный. Это письмо, содержащее протест против произвола и беззаконий Сталинской эпохи, не предназначалось для опубликования и являлось обращением к КПСС. Я и мои близкие родные много пострадали от беззаконий и произвола органов госбезопасности во времена Сталина. Мой отец в 1937 г. в возрасте 62 лет был осужден тройкой и, несмотря на возраст и болезнь, был помещен в Темниковские лагеря, где теперь находится писатель Ю. Даниэль.

5/II-1940 г. я возбудил ходатайство перед прокурором РСФСР о досрочном освобождении его из заключения по причине болезни. После длинной волокиты Прокуратура лишь 19/XII-1940 г. известила меня, что мой отец умер в лагерях 12/III-1940 г. Единственной причиной ареста и осуждения его было то, что он был священник. Мой брат, Серафим Владимирович Талантов, в 1930 г. в возрасте 22 лет, работая гидротехником в гор. Вологде, был арестован и осужден без всякой вины. Он умер в концлагерях на Беломорско-Балтийском Канале. Я сам с 1930 по 1941 г., благодаря своему происхождению, непрерывно подвергался угрозам со стороны органов госбезопасности. В 1954 г. меня уволили из Пединститута по религиозным убеждениям, хотя причиной увольнения

формально была выставлена инвалидность. Работая безупречно, что можно доказать документально, я в течение всей жизни каждодневно ожидал того, что меня без всякой вины или арестуют, чтобы «сгноить в тюрьме», или уволят с работы с «волчьим билетом». Поэтому я считал своим долгом написать в газ. «Правда» письмо-протест против произвола и незаконий органов госбезопасности. Назначение и содержание письма, которое до сих пор остается никому неизвестным, вполне оправдывают тайну автора.

Я не знаю, дошло ли это письмо до редакции газ. «Правда», но в конце концов оно оказалось в Кировском УКГБ. Последнее, путем изучения почерка, установило, что автором письма являюсь я. 29 июля 1958 г. я был вызван в УКГБ, где письменно подтвердил свое авторство и высказал сожаление, что по малодушию не подписал письмо. 14 августа 1958 г. я был уволен с работы из Кировского филиала ВЗЭИ (ныне Политехнический институт) «по собственному желанию», а 21 сентября того же года в газ. «Кировская правда» появился фельетон О. Любовникова «Из подворотни». Этот фельетон, состоящий из площадной брани, угроз и клеветы, является лучшим доказательством правильности основной мысли моего письма в газ. «Правда», что в СССР беспартийные — бесправные люди, которые подвергаются суровым репрессиям даже за письмо в центральную газету. Если бы мое письмо и фельетон О. Любовникова опубликовать одновременно, то в глаза общественности было бы стыдно смотреть не мне, а О. Любовникову.

Как показывают закрытые судебные процессы над А. Синявским и Ю. Даниэлем в феврале 1966 г. и над Ю. Галансковым, А. Гинзбургом, А. Добровольским и В. Лашковой в январе 1968 г. и обращение к советской и мировой общественности А. Литвинова и Л. Даниэль, переданное по Би-би-си 12/1-1968 г., произвол и беззакония органов госбезопасности и судебных органов имеют место в нашей стране и в настоящее время. Поэтому, к сожалению, мое письмо в газ. «Правда» оказывается актуальным и в настоящее время. Поэтому я и сейчас считаю своим долгом решительно протестовать против произвола современных закрытых судов, преследования людей за их убеждения и бесчеловечного содержания в тюрьмах и лагерях политических заключенных.

3. Но в статье «С открытым забралом» говорится не об одной «писульке», не об одном «сочинении», а о «писульках», о каких-то «сочинениях». Повидимому, О. Любовников имеет в виду следующие мои работы:

I. Письмо в журн. «Наука и религия», содержащее опровержение одной лжи антирелигиозной пропаганды. Оно было отправлено 31 октября 1960 г. и по существу осталось без ответа.

II. Письмо в газ. «Известия» «О массовом разрушении памятников церковного зодчества в Кировской обл.», отправленное 19/II-1963 г. Редакция газеты мне ничего не ответила на это письмо, но московский лектор летом 1963 г., повидимому, по поручению редакции, на собрании гор. Кирова рекомендовал подвергнуть меня за крамольное письмо принудительному лечению, т. е. поместить меня в сумасшедший дом.

III. Письмо из газ. «Известия», «Советское государство и Христианская религия», полученное редакцией газеты 19/XII-1966 г.

Еще раз выражаю готовность отстаивать правильность содержания этих работ.

4. Большая часть статьи «С открытым забралом» посвящена «открытому письму Кировских верующих Патриарху Алексию», которое опять О. Любовников не называет по имени, а только указывает, что оно было напечатано за границей в каком-то «мерзком листке», издающемся в «некоем государстве». О. Любовников сознательно не указал названия письма, так как это название показывает, что письмо имеет религиозное значение. Он умолчал также о том, что письмо было объявлено радиостанцией Би-би-си 8/XII-1966 г. Если бы оно не было объявлено по радио, то о нем никто бы в СССР и не знал, так как мы не имеем возможности читать иностранные газеты. О. Любовникову и УКГБ хорошо известно, что ни я, ни кто-либо из подписавших письмо связи с заграницей не имеет и никто из нас не знал, что наше письмо напечатано в каких-то иностранных газетах. Воспользовавшись тем, что письмо было напечатано в эмигрантской газете, он бездоказательно и клеветнически обвиняет меня в связи с эмигрантскими центрами и эту клевету, как было указано ранее, еще до опубликования статьи распространяли некоторые должностные лица, объявляя меня публично «врагом народа». Информацию, как-то попадающую за границу, там могут печатать любые газеты и не только я, но и само Советское Правительство не может им в этом воспрепятствовать. В советских газетах иногда печатаются статьи иностранных авторов, которые критикуют свои правительства и не слышно, чтобы этих авторов на родине кто-то преследовал за эти статьи. Поэтому кампания клеветы и угроз, организованная против

меня из-за коллективного письма на имя Патриарха Алексия, ставшего как-то известным за границей, является недопустимым рецидивом беззаконий времен Ежова.

5. О. Любовников обвиняет меня в том, что, якобы, каким-то обманом принудил верующих подписать «открытое письмо».

Как было указано выше, все подписавшие письмо, несмотря на угрозы, показали, что они подписали письмо добровольно, а четверо из них 20 мая направили на имя Патриарха особое письмо, в котором они еще раз подтвердили истинность всех фактов, указанных в «открытом письме», ставшем известным за границей. Наконец, Н. Н. Каменских был исключен 29 мая из Одесской духовной семинарии за то, что он продолжал твердо поддерживать это письмо. Эти неопровержимые факты доказывают лживость утверждения О. Любовникова о том, что я каким-то обманом принудил верующих подписать письмо. Утверждение, что Е. М. Халявина заставила своего мужа, И. С. Халявина, подписать письмо за поллитра водки, является также ложью. Кстати, И. С. Халявин на другой день после опубликования статьи «С открытым забралом» был уволен с работы «по собственному желанию».

6. О. Любовников, вместо обоснованного разбора «открытого письма», вырывая из контекста письма отдельные фразы и искажая их смысл, пытается представить это письмо, как клевету на Советский общественный строй, как некое государственное преступление. Например, в письме было указано, что в результате незаконного закрытия церквей и последующего варварского разрушения интерьеров этих церквей, в Кировской обл. не осталось ни одного целого памятника церковного зодчества. О. Любовников, пытаясь выдать это утверждение за клевету, указывает, что постановлением Совета Министров РСФСР от 30 авг. 1960 г. в Кировской обл. было поставлено под государственную охрану более 30 церковных зданий. Но О. Любовникову известно, что массовое закрытие и разрушение церквей и началось с 1960 г. Местные власти, желая закрыть церковь, памятник архитектуры, исключали ее из списка памятников, затем закрывали и уничтожали ее интерьер. О порче и полном разрушении памятников церковного зодчества много писалось в эти годы в некоторых центральных газетах. Подробно о разрушении памятников церковного зодчества в Кировской обл. говорится в моем письме «О массовом разрушении памятников церковного зодчества в Кировской обл.», отправленном мною

в редакцию газ. «Известия» 19/II-1963 г., которое, наверное, известно О. Любовникову. В этом письме указывалось, что самый ценный памятник церковной архитектуры на территории Кировской обл., ансамбль Трифонова монастыря гор. Кирова, находящийся под охраной государства, полностью обезображен и находится в стадии разрушения. Наконец, о безответственной порче и разрушении памятников церковного зодчества писалось и в самой «Кировской правде». В этой газете за 12 октября 1965 г. была напечатана статья начальника отдела охраны памятников культуры Б. Соколова «Хранить памятники истории и культуры». В ней было написано: «Не было в нашей области такого случая, чтобы за бесчинства в охране памятников архитектуры кого-то наказывали. Пока еще не поздно, нужно спасти от разрушения то, что осталось».

Но осталось очень мало. Как я писал в упомянутом выше письме, «из 40 церквей г. Кирова не осталось ни одной целой Церкви XVII, XVIII и XIX столетий, кроме Успенского собора Трифонова монастыря, находящегося в стадии разрушения». При этом диком вандализме погиб шедевр мирового искусства, Александр-Невский собор, творение архитектора-академика А. Л. Витберга. «В пределах Кировской обл. с 1930 по 1941 г. было полностью разрушено или сильно обезображено около 500 храмов XVIII—XX столетий». В стихии бессмысленного разрушения погибли древнейшие реликвии, ценные исторические и художественные памятники Вятской земли. В числе многих примеров в моем письме от 19/II-1963 г. приводится следующий: «В селе Рябово (Зуевского р-на), родине великих братьев художников В. М. и А. М. Васнецовых, была полностью разрушена красивая каменная Предтеченская церковь, построенная в 1795 г. Вместе с церковью погибли богатые облачения, подаренные церкви В. М. Васнецовым, и икона — голова Иоанна Крестителя на блюде, — написанная В. М. Васнецовым. По отзывам многих, эта икона представляла собою одно из значительных произведений великого художника». Разве это клевета?

В газ. «Кировская правда» за 31 августа 1967 г. была напечатана статья В. Ситникова «Когда бывает стыдно». В этой статье, напечатанной четыре года спустя после моего письма, мы читаем следующее: «Еду в зеленое сельцо Рябово Зуевского р-на, где родился он (А. М. Васнецов. В. Т.)... Рябово помечено на всех туристских картах... Шумят над головой кроны прекрасных старых деревьев. Они по всему селу и около церкви... Правда, от церкви осталась груда спекшихся кирпичей. А между прочим,

считают, что как раз эта церковь и ограда изображены на картине В. М. Васнецова «Нищие певцы»... Учительница ведет к надгробным плитам, снятым с могил отца и матери братьев Васнецовых. Плиты эти лежат прямо на пришкольном участке, потому что по чьему-то неразумному распоряжению были в свое время отсюда увезены, а сейчас, обитые и стершиеся, возвращены в Рябово. Да, мы оказались равнодушными к памяти своих великих земляков».

Я написал в газ. «Известия» для того, чтобы не допустить нового разрушения церковных памятников, начавшегося с 1960 г. В письме были приведены многочисленные примеры новых разрушений, проводимых по указанию ответственных партийных и советских работников. Я взывал к редакции газ. «Известия», прекратить это варварское разрушение. Но редакция ничего мне не ответила, а представитель ее предложил запереть меня в сумасшедший дом. И разрушение ценнейших памятников продолжалось и продолжается до настоящего времени, о чем свидетельствует статья С. Ямщикова «Кто отвечает за Опаринские Кижи?», напечатанная в газ. «Кировская правда» 12 сентября 1967 г. В этой статье читаем: «Когда наша машина проехала Нижнюю Паломницу (в семидесяти километрах от Опарина Б. Т.) и остановилась у чудесного деревянного сооружения, я понял, что здесь нас ждет еще одно открытие. Церковь (Спасская) построена в 1716 г., — всего на два года позже, чем знаменитый Преображенский собор в Кижях... А вот с охраной этого памятника дело как раз обстоит из рук вон плохо. Печальную картину являет собой Спасская церковь в смысле современного ее состояния и отношения к уникальному памятнику. **Постройка официально находится на государственном учете, но это не меняет положения.** Двери и многочисленные резные окна выбиты, вороны хозяйничают внутри церкви, а в нижнем этаже скрываются от жары колхозные овцы и кони — целые отары и табуны... **А ведь Спасская церковь тоже памятник государственного значения.** Интерьер Паломницкого храма украшал недавно целый иконостас, современный строительству церкви. Украшал три года назад, а теперь от него сохранились лишь два верхних ряда, а остальные похищены грабителями»... (Если бы редакция газ. «Известия» благоразумно отнеслась к моему письму, то этот иконостас был бы цел и сейчас Б. Т.)... «Заведя разговор о работе по охране памятников старины в Кировской обл., хочется остановить внимание общественности на следующем факте. В начале этого года мы писали в «Кировской правде» о находках нашей экспедиции в Лузском районе, особенно отмечая ценные па-

мятники живописи, обнаруженные в дер. Слободе. Так вот теперь эти находки погибли. Лузский райисполком обязан был позаботиться о сохранности памятников живописи. Был обязан, но не позаботился. Поленились забить дверь церкви в деревне Слободе, а в результате случайные люди сожгли почти все найденные произведения».

Некоторые местные работники и сейчас готовы лучше взорвать церковное здание, чем отдать его верующим для восстановления. В моем письме «О массовом разрушении памятников церковного зодчества» было описано насильственное закрытие и варварское разрушение интерьера Казанско-Богородской церкви села Васильково Советского р-на Кировской обл. в 1962 г. председателем колхоза «Красный Октябрь» А. В. Гребневым. Теперь эта церковь, посторенная в 1798 г. и когда-то являвшаяся памятником архитектуры, используется колхозом на износ в качестве тракторной мастерской. Обезображенный остов здания церкви возвышается на высоком берегу р. Вятки, как неопровержимое свидетельство бессмысленности варварского разрушения памятников старины. В октябре 1967 г. около 300 верующих бывшей церковной общины с. Василькова просили ответственных партийных работников Советского р-на отдать им обезображенное здание церкви. Они изъявили готовность восстановить церковь на свои средства. Теперь, как говорят местные жители, новый председатель колхоза «Красный Октябрь» угрожает взорвать остов церкви, чтобы она не доставалась верующим.

Сам О. Любовников, обвиняя меня в клевете, не мог в своей статье назвать ни одного памятника церковного зодчества, сохранившегося в Кировской обл. без повреждений, потому что таких памятников не существует.

7. В «открытом письме» далее указывается, что местные власти в период 1960-63 гг. для устрашения верующих применяли различные репрессии: штраф, угрозы, судебное преследование и т. п.

О. Любовиков опровергает это утверждение указанием на то, что в Советском законодательстве нет статьи, предусматривающей наказание за веру в Бога. Он ссылается также на официальную справку Кировской прокуратуры. Такое опровержение О. Любовикова убедительно только для детей и наивных людей.

Кировские верующие в «открытом письме» жалуются не на Советские законы, а на произвол и беззакония местных властей,

открыто нарушающих существующие законы. В любом государстве хорошие законы не обеспечивают сами по себе законности и правопорядка. Только общественный контроль за деятельностью судебных и административных органов может обеспечить законность и правопорядок.

У нас, конечно, нет закона, наказывающего за веру в Бога, однако, даже в центральных газетах и журналах указывались случаи неправильного осуждения верующих и случаи административного произвола по отношению к верующим. Ясно также, что нигде верующих официально не осуждали за веру в Бога. Их обычно обвиняли в хулиганстве, в тунеядстве, в вымышленных политических преступлениях (шпионаж, связь с заграницей и т. п.), в нарушении законов о религии и т. д. Поэтому справка облпрокуратуры, если таковая имеется у О. Любовикова, ничего не доказывает. В самом «открытом письме» не приведено каких-либо конкретных фактов административных и судебных репрессий по отношению к верующим, но в моем письме «Советское государство и Христианская религия», полученном редакцией газ. «Известия» 19/XII-1966 г. и известном и Кировскому УКГБ, и О. Любовикову, описано подробно и документально множество таких фактов. Здесь я кратко укажу лишь на три факта из этого письма.

а) Молодой человек, Иван Павлович Сергеев, из гор. Малмыжа Кировской обл., в 1961 г. хотел поступить учиться в Загорскую духовную семинарию. Когда в июле пришел из Москвы вызов на экзамены, он уволился с работы и начал готовиться к отъезду. Его сборы стали известны властям и в горсовете его предупредили, что если он не оставит своего намерения, то его сошлют, как тунеядца. Он отклонил это требование, как незаконное. Вечером того же дня его арестовали, а утром осудили по закону о тунеядцах на 3 года на принудительные лесные работы. Жалобы в центр не помогли. И. П. Сергеев хотел учиться в Загорске, а очутился на принудительных работах на севере Кировской области.

б) В дер. Онучино Вотчинского сельсовета Яранского р-на Кировской обл. с 1959 г. жил Михаил Лаврентьевич Слобожанин, его жена Татьяна Слобожанина и 4-ро детей: Алеша, Коля, Вова и Дуся. Старшему было 12 лет, а младшей дочери 3 года. Он работал на Петуховском льнозаводе и других гос. предприятиях по подряду. С 1960 г. таких рабочих стали называть

шабашниками. Его жена, имея четырех детей, занималась домашним хозяйством. Супруги Слобожанины воспитывали своих детей в христианской вере и в своем доме распространяли среди своих односельчан христианское мировоззрение. В их доме верующие, называющие себя членами ИПЦ, молились, пели псалмы и читали Библию. Все их отличие от других православных христиан заключается в том, что они не признают Патриарха Алексия и других епископов, поставленных им, считая их предателями Церкви. В июне 1961 г. народный суд признал М. Л. Слобожанина тунеядцем и выслал его в отдаленные места сроком на 5 лет. По позднейшим газетным сообщениям, М. Л. Слобожанин уже был осужден на 6 лет лишения свободы за антисоветскую пропаганду. В чем конкретно выражалась эта пропаганда, нигде не было разъяснено. В конце 1962 г. тот же суд лишил Татьяну Слобожанину родительских прав и выслал как тунеядку за пределы района, а детей принудительно поместили в детдом. (см. «Кировская правда» за 1962 г. «По следам очерка «Украденное солнце», «Кировская правда» 24/III-1963 г. «В сетях церковников»). Читая эту трагическую историю даже в «Кировской правде», где жизнь и религиозная деятельность Слобожаниных изображены тенденциозно, с позиций фанатического атеизма, каждый гуманный человек (вне зависимости от мировоззрения) согласится с тем, что суд над М. Л. Слобожаниным и Т. Слобожаниной является жестокой судебной расправой над инакомыслящими. Эта история напоминает трагические эпизоды «Хижины дяди Тома».

в) В с. Пищалье Оричевского р-на Кировской обл. в начале 1961 г. была насильственно закрыта церковь. Верующие, возмущенные этим насилием, собрались в большом количестве 22 октября 1961 г. в село Пищалье и потребовали от местных властей, чтобы они отдали им незаконно закрытую церковь. Местные власти сочли организатором этого мирного протеста Александром Г. Долгих. Народный суд приговорил ее к лишению свободы на 2 года (см. районную газету «Путь к коммунизму» за 14/I-1962 г.).

Судебно-административные репрессии к верующим-активистам применялись во всех закрытых церковных общинах Кировской области.

У нас нет закона, наказывающего за веру в Бога, однако врачи, учителя, инженеры и даже простые рабочие и служащие увольнялись и продолжают увольняться «по собственному же-

ланию» или каким-либо другим формальным причинам, как только станет известно, что они ходят в церковь и совершают религиозные обряды. Так в 1954 г. я был уволен из Кировского Пединститута по религиозным убеждениям, хотя формально причиной увольнения была выставлена инвалидность. В 1960-64 гг. в газетах (местных и даже центральных) было напечатано не мало статей и публичных выступлений ответственных партийных работников, в которых верующие подвергались травле, угрозам и оскорблениям.

В 1963 г., после июньского пленума ЦК КПСС, в городах и селах Кировской обл. особые комсомольские бригады производили осмотр квартир в целях обнаружения икон. Рабочим и служащим, в квартирах которых были обнаружены иконы, партийные и профсоюзные органы предлагали убрать их под страхом увольнения с работы.

У нас нет закона, наказывающего за веру в Бога, однако, в центральных и местных газетах печаталось и печатается много статей, в которых воспитание родителями своих детей в религиозном духе открыто объявляется преступлением. Так в газ. «Кировская правда» за 8 июня 1967 г. напечатана статья П. Рожнева «А если это не те руки»..., в которой автор статьи обращается к К. М. Мартьяновой (члену секты евангельских христиан-баптистов), воспитывающей свою дочь Надю в христианском духе, со следующими словами: «Но вы насильно заставляете несовершеннолетнего ребенка молиться. Это уже нарушение наших законов и норм». Но из самой статьи видно, что Надя, ученица 7 кл. шк. № 40 г. Кирова, посещает молитвенный дом добровольно. Значит «Кировская правда» считает воспитание родителями своих детей в религиозном духе нарушением Советских законов. (см. также вырезку из газ. «Кировская правда» за 21 марта 1968 г.).

В журн. «Наука и религия» № 12-1966 г. напечатана статья «Почему и как?», в которой мы читаем об одной школе следующее: «...До классного руководителя дошел слух, что один из учеников вместе со своей бабушкой был в церкви. Учитель на уроке без лишних слов объявил классу о случившемся.

— Верно я говорю? — спросил он ученика.

— Да.

— Сколько ты провел там времени?

— Два часа.

— Так вот, встань в угол и стой два часа.

...В одном из далеких сел Молдавии учитель пошел еще дальше. На глазах всего класса он побил пятиклассника за то, что тот отказался сказать, что Бога нет... Как часто бесцеремонность в обращении с верующими учениками имеет место в наших школах».

Итак, о случаях даже **избиения верующих детей** пишет не «махровый клеветник Талантов», а журн. «Наука и религия». Конечно, я могу описать много подобных фактов, имевших место в школах Кировской обл.

Если нет закона, наказывающего за веру в Бога, то это не значит, что нет притеснений за веру в Бога в результате произвола и беззаконий местных властей. Верующие незаконно закрытых церковных общин Кировской обл. много раз подавали жалобы на **незаконное притеснение за веру** Генеральному Прокурору СССР, в Верховный Суд СССР Н. С. Хрущеву, Л. Брежневу, А. Микояну, А. Н. Косыгину, Н. Подгорному и во все центральные газеты. Неизменно за каждую жалобу местные власти обрушивали на жалобщиков те или иные репрессии. Все это подробно описано в моем письме «Советское государство и Христианская религия». **Нигде не находя защиты своих законных прав, мы решили письмо Патриарху Алексию, ставшее впоследствии известным за границей, сделать открытым, чтобы с этим письмом могла ознакомиться общественность.**

Наконец, о притеснениях верующих и жестоких судебных расправах над ними говорится, в жалобе евангельских христиан-баптистов, направленной в ООН и опубликованной радиостанцией Би-би-си 16/XII-1967 г. Факты, описанные в этой жалобе, а также факты, описанные в моем письме в газ. «Известия», неопровержимо показывают, что в СССР верующие — христиане — парии общества. В настоящее время они лишены даже тех урезанных прав, которые им были предоставлены в последние годы жизни И. В. Сталина. Следовательно, О. Любовиков пытается неопровержимую правду «открытого письма Кировских верующих» представить кривдой, а свою кривду выдать за правду.

8. В «открытом письме Кировских верующих» утверждается, что в Кировской обл. в период 1960-63 гг. церкви закрывались «путем произвола и насилия».

Но О. Любовиков, пытаясь доказать недоказуемое, говорит, что закрытые церкви якобы «доходов не имели, священники отказались служить в этих церквях и перебрались в другие места».

Эта ложь, распространяемая повсюду за границей митрополитом Никодимом, убедительна только за границей, так как русские верующие не могут ни поехать за границу, ни написать туда письмо, опровергающее эту ложь.

О том, как в Кировской обл. в период 1960-63 гг. закрывались церкви, подробно и документально описано в моем письме в газ «Известия». Не священники отказались служить в закрытых церквах, а областные уполномоченные по делам РПЦ (Смирнов, Медведев, Ляпин), совершая вопиющий произвол, лишили регистрации этих священников и отказались зарегистрировать кого-либо вновь. Закрытые церкви имели достаточные доходы и при закрытии их денежные остатки поступили в государственную казну.

Типичным является закрытие Зосимо-Савватиевской церкви (построена в 1777 г. — памятник архитектуры) в селе **Коршик** Оричевского района Кировской обл. (этот факт подробно описан в моем письме).

9 октября 1961 г. областной уполномоченный по делам РПЦ Д. Л. Медведев снял с регистрации священника церкви Д. Л. Ложкина, а на другой день пред. сельсовета С. С. Пономарев взял 5 800 р. (в современном исчислении) церковных денег и церковь запер на свой замок. В течение четырех месяцев законно зарегистрированные члены церковного совета обращались к Д. Л. Медведеву с просьбой, зарегистрировать в церковь священника. Но Д. Л. Медведев без всяких объяснений отказывался зарегистрировать кого-либо из предлагаемых кандидатов. Убедившись в нетерпимом произволе Д. Л. Медведева, церковная община села Коршик с января по сентябрь 1962 г. пять раз посылала в Москву в Совет по делам РПЦ своих представителей с жалобами на произвол Д. Л. Медведева и просьбой, зарегистрировать священника из предлагаемых кандидатов, **которые изъявили желание служить в с. Коршик.** Каждый раз Совет по делам РПЦ обещал зарегистрировать священника в ближайшем будущем. Неожиданно для верующих, **21 марта 1963 г.** бригада рабочих во главе с пред. сельсовета С. С. Пономаревым разрушила интерьер церкви, выпила церковное вино, сожгла иконы и иконостасы и изъяла все материальные ценности. Олифу и краску, предназначенную для покраски крыши церкви, взял С. С. Пономарев и этой краской выкрасил внутри и снаружи свой особняк, в чем можно убедиться и в настоящее время. Верующие с. Коршик не смирились с этим произволом и мародерством

должностных лиц. С 1963 по 1966 г. они подали множество жалоб на имя Н. С. Хрущева, А. Н. Косыгина, Генерального Прокурора СССР, Н. В. Подгорного. Ни на одну жалобу верующие не получили ответа, за то после многих жалоб активные члены двадцатки подвергались грубому разному, угрозам и репрессиям. Так 10/XII-1963 г. в село Коршик в контору совхоза были насильно свезены члены двадцатки: А. М. Корчемкина, К. И. Лобастова, Е. И. Щенникова, А. Ф. Исупова и М. И. Фетищева, и здесь были подвергнуты психической пытке со стороны местных властей во главе с райпрокурором Анохиным. После этой пытки А. М. Корчемкина в течение 6 месяцев болела нервным расстройством и до настоящего времени страдает расстройством памяти. Все указанным лица живы и могут сами рассказать о тех репрессиях, которым они подвергались.

Подобным же образом и тем же уполномоченным по делам РПЦ Д. Л. Медведевым была в **1962 г.** закрыта и разгромлена имеющая большой доход **Всехсвятская церковь в городе Белая Холуница** Кировской обл. От момента закрытия до настоящего времени верующие этой церкви подали множество жалоб на незаконное закрытие церкви во все местные и центральные органы Советской власти и в некоторые центральные газеты. Но ни на одну жалобу они не получили ответа. Зато ответственный представитель верующих, Агриппина Дмитриевна Зырянова, двенадцатая подпись которой стоит под «открытым письмом Кировских верующих», после многих жалоб подвергалась штрафу, угрозам и грубому разному, которые ускорили ее смерть (она умерла 27/XII-1967). А беспризорный и обезображенный остов Всехсвятской церкви до сих пор является вещественным доказательством того произвола, посредством которого закрывались церкви в Кировской области.

В самом городе Кирове, где при И. В. Сталине было две церкви: Серафимовская и Федоровская, в **конце 1962 г. горсовет** закрыл имеющую большой доход Федоровскую церковь и, несмотря на протесты верующих (жалобы на имя Н. С. Хрущева подписало в общей сложности 5 000 человек), в **начале 1963 г. взорвал ее** без всякой к тому необходимости. Как было уже сказано, в начале 1967 г. **горсовет и органы госбезопасности** запугивали тюрьмой активистов верующих гор. Кирова, хлопотавших об открытии второго храма. Теперь в единственной Серафимовской церкви гор. Кирова создается ужасная теснота и старые верующие в силу этого лишаются возможности посещать

праздничные богослужения. В то же время в гор. Кирове стоит несколько обезображенных старых церквей, которые горсовет не отдает верующим вместо взорванной Федоровской церкви.

Все церкви, закрытые в Кировской обл. в период 1960-63 г.г., имели достаточные доходы для своего содержания, что может быть доказано документально (банковские документы, приходо-расходные сметы закрытых церквей, жалобы верующих) и свидетельскими показаниями.

О. Любовников, по образцу митроп. Никодима, стремясь прикрыть произвол, посредством которого были закрыты церкви, утверждает ложь, а меня обвиняет в клевете на Советский общественный строй. Но бесспорные факты опровергнуть нельзя. Существует один только путь для поднятия престижа власти: исправить допущенные в прошлом по отношению к верующим ошибки и нормализовать положение. К этому мы, верующие, и стремимся.

9. В своей статье О. Любовников пишет: «Атеизм, — злобствует Талантов, — порождает страшные разрушительные войны». Но О. Любовников не указывает, откуда он извлек такую фразу. Я предполагаю, что подобное утверждение он взял из моих конспектов, изъятых сотрудником КГБ 14/II-1967 г., которые никому не известны и являются моим рабочим архивом многолетней давности.

Я не отрицаю того, что всегда протестовал против насильственного насаждения нигилистического атеизма, который, по моему мнению, является одной из причин роста преступности в СССР. Однако, я нигде и никогда не высказывал утверждения подобного тому, которое приводит О. Любовников. Поэтому я категорически протестую против незаконного использования моего личного архива.

Я полностью отвергаю голословное утверждение О. Любовникова, что я якобы нарушил какие-то Советские законы.

В настоящее время лица, открыто отстаивающие свои религиозные и философские убеждения и критикующие произвол и беззакония властей, необоснованно обвиняются в незаконной связи с буржуазным Западом. Во времена Ежова они обвинялись в вымышленном шпионаже, а теперь — в связи с НТС и ЦРУ.

Обучаясь в Московском Межевом Институте, в 1922/23 уч. году я слушал лекции по политической экономии проф. Голгофского. На своих лекциях он указывал, что исходные положения «Капитала» К. Маркса — логически неидеальны, так как они образуют прочный круг. И тогда никому не приходило в голову обвинить проф. Голгофского в связи с буржуазным Западом. Теперь его, наверняка, объявили бы агентом НТС. Но такое обвинение просто неубедительно. Русские люди в нашей стране не пугаи, могущие повторять только то, что говорят на Западе. Жизненная практика порождает в их головах новые мысли, новые идеи, способствующие научному прогрессу. Марксизм-ленинизм проходит жизненную проверку не на Западе, а в СССР. Поэтому только в СССР возможна научно обоснованная критическая оценка марксизма-ленинизма. В частности мы, верующие христиане, на основе 50-ти-летнего опыта жизни в социалистическом обществе, приходим к убеждению, что распространенное у нас учение о возникновении и отмирании религии — **ошибочно**. Наше убеждение порождено самой жизнью в социалистическом обществе, а не буржуазной пропагандой Запада. Поэтому мы, верующие христиане, предлагаем атеистам нашей страны начать открытый и дружественный диалог по интересующим нас вопросам, как это имеет место в некоторых социалистических государствах. Шестой раздел моего письма «Советское государство и Христианская религия» и преследует эту задачу. Однако, советские атеисты, подобные О. Любовникову, предпочитают «искоренять религию» посредством угроз, клеветы и насилия. Но насилием нельзя победить идеи.

Моя жена, Нина Агафангелова Талантова, страдавшая гипертонией, не смогла перенести угроз и клеветнических обвинений статьи О. Любовникова, выдержанной в стиле разносных статей против мнимых врагов народа периода ежовщины. 7 сентября 1967 г. ее, в результате тяжелых переживаний, поразил инсульт и она скончалась 16 сентября.

В день смерти, по ее желанию, я хотел ее пособоровать. Но настоятель единственной в гор. Кирове Серафимовской церкви заявил мне, что местные власти запрещают соборовать на дому. Этот прискорбный факт показывает, что верующие христиане в гор. Кирове лишены сейчас даже тех прав, которые им были предоставлены И. В. Сталиным. Факт этот неопровержимо сви-

детельствует о продолжающемся притеснении верующих. Какая же это свобода совести, если умирающий человек не имеет права исполнить свое последнее желание: побороться на дому?

Я решительно протестую против незаконных притеснений верующих христиан и разносной, клеветнической статьи О. Любоникова, приведшей к смерти мою жену Н. А. Талантову.

Я прошу возвратить мне мой рабочий архив, взятый Кировским УКГБ 14/II-1965 г., и прекратить незаконное задержание писем ко мне и от меня.

Я задержался с подачей настоящей жалобы из-за смерти моей жены и моей болезни.

Б. В. Талантов.

26 апреля 1968 года

г. Киров (обл.) ул. Урицкого дом 12 кв. 1.

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК БЫЛ ИСКЛЮЧЕН ИЗ ЧИСЛА СЛУШАТЕЛЕЙ ОДЕССКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ НИКОДИМ НИКОЛАЕВИЧ КАМЕНСКИХ

25 февраля 1967 г. радиостанция Би-би-си объявила ответы митр. Никодима на вопросы, заданные ему в связи с «Открытым письмом из Кирова». Он объявил это письмо анонимным и потому не заслуживающим доверия. В подтверждение своего заявления он изъявил готовность дать клятву.

19 марта Б. В. Талантов, автор «Открытого письма», отправил на имя Патриарха Алексия новое письмо, в котором он подтвердил достоверность «Открытого письма» и обличил нечестивый поступок митр. Никодима. Это письмо Патриархия получила 25 или 26 марта. В это время в Москве был еписк. Кировский Владимир. Одновременно копию своего письма Б. В. Талантов отправил своему молодому другу, воспитаннику 2-го класса Одесской Духовной Семинарии, Никодиму Николаевичу Каменских, который эту копию получил в конце марта и познакомил с ней многих воспитанников Семинарии. Н. Н. Каменских известил Б. В. Талан-

това о получении копии письма Патриарху Алексию и просил его немедленно выслать еще одну копию.

Во время этой переписки в г. Кирове горсовет и КГБ допрашивают верующих, подписавших «Открытое письмо», а еп. Кировский Владимир едет в гор. Одессу и зачем-то посещает 12 апреля Одесскую Духовную Семинарию.

15 апреля Б. В. Талантов направляет в адрес Семинарии на имя Никодима Каменских новое письмо, в котором он извещает Никодима о том, что в г. Кирове верующие, подписавшие «Открытое письмо», подвергаются допросам и застраиваниям. В том же письме он посылает Никодиму вторую копию своего письма Патриарху Алексию. Это письмо было получено Семинарией не позднее 21 апреля.

26 апреля инспектор Семинарии Александр Николаевич Кравченко вызвал к себе Н. Н. Каменских и сначала прочитал ему письмо Б. В. Талантова от 15 апреля, а затем между ними состоялся следующий разговор.

Инспектор мягко говорит Никодиму:

— Хорошо, что это письмо попало мне в руки, а не куда-нибудь в другое место. Хочешь ли ты окончить Семинарию?

— Да, хочу.

— Ну так бери сейчас же бумагу и ручку и напиши мне заявление об отказе от «Открытого письма Кировских верующих» и от Б. В. Талантова.

— Я не могу этого сделать, потому что в «Открытом письме» написана правда, а я, как христианин, должен отстаивать правду.

Инспектор ласково:

— Ты напиши мне это заявление, а я его никому не покажу, никто не будет знать о нем. Помнишь, осенью, 1966 г. ты мне рассказал, что подписал это письмо из Кирова, но я ведь никому об этом не сказал. Вот и сейчас твое заявление я никому не покажу, а когда ты окончишь Семинарию, я тебе его возвращу.

— Нет, я не могу написать заявление, которое вы от меня требуете, потому что это — ложь.

Инспектор грозно:

— Ну, тогда мы тебя исключим из Семинарии.

— Делайте, что хотите, но я не могу написать требуемого заявления. Отдайте мне письмо Б. В. Талантова, оно мне адресовано.

— Письмо Талантова я тебе не отдам, оно является документом, доказывающим твою преступную связь с Талантовым. Напиши заявление, о котором я тебе говорю, и ты спокойно окончишь Семинарию, а если откажешься написать заявление, то мы тебя исключим и тебе будет плохо.

— Делайте, что хотите, но я отказываюсь писать требуемое заявление.

— Ну, хорошо, я тебе даю время хорошенько подумать о своей судьбе, а после Пасхи я тебя снова вызову.

7 мая Б. В. Талантов, убедившись в том, что Н. Н. Каменских не получил его письма от 15 апреля, направил ему в адрес Семинарии новое письмо, в котором повторил содержание письма от 15 апреля. Одновременно он направил в адрес Семинарии письмо семинаристу 3-го класса Ивану Ильичу Наумову, в котором он просил сообщить Никодиму содержание своих писем от 15 апреля и 7 мая, если последний их не получил. В том же письме он просил передать привет Леониду Михайловичу Бересневу. И. И. Наумов и Л. М. Береснев — товарищи Н. Н. Каменских. Эти два письма были получены Семинарией 12 или 13 мая и перехвачены инспектором А. Н. Кравченко, который о них даже не сказал адресатам. Из этих писем он узнал, что близкими друзьями Никодима Каменских являются И. И. Наумов и Л. М. Береснев.

17 мая инспектор вызвал к себе И. И. Наумова и Л. М. Береснева и потребовал от них, чтобы они уговорили Никодима написать заявление об отказе от «Открытого письма Кировских верующих». Он сказал им, что если они не уговорят Никодима, то будут исключены из Семинарии вместе с ним, как его сообщники.

По совету И. И. Наумова и Л. М. Береснева Никодим стал составлять заявление на имя инспектора Семинарии. Все товарищи Никодима одобрили составленное им заявление.

19 мая инспектор А. Н. Кравченко вызвал к себе Никодима и последний передал ему заявление, в котором он **еще раз подтверждает истинность своей подписи и свое согласие с содержанием Кировского письма.** (Копия этого документа приложена к настоящей истории. Она написана и подписана самим Н. Н. Каменских).

21 мая инспектор снова вызвал к себе Н. Н. Каменских и между ними состоялся следующий разговор.

Инспектор сурово:

— Вот ты не хотел послушать меня, а теперь придется тебе завтра утром идти в Управление КГБ. Запиши адрес.

Н. Н. Каменских берет кусочек бумаги и ручку и записывает: Бебеля 43, Бюро пропусков, Гарбус 3. Потом он кладет эту бумажку к себе в карман. (Эта бумажка приложена к настоящей истории).

— Итак, ты завтра аккуратно иди по этому адресу.

— Не пойду.

— Почему?

— Пусть КГБ пошлет на мое имя официальную повестку.

— Ну, тогда отдай мне обратно записанный адрес.

— Не отдам.

— Отдай сейчас же!

— Не отдам.

— Ты поддерживаешь Московских священников, которым Патриарх запретил служить.

— Я поддерживаю Московских священников и одобряю их, так как они изложили истину.

— Ты идешь против Патриарха?

— Я не иду против Патриарха, но Московских священников поддерживаю.

— Я такого волка еще не видал, ну погоди же, еще узнаешь! Уходи добровольно из Семинарии!

— Не уйду!

— Нет, уйдешь, выведут тебя и все!

— Делайте, что хотите, я в ваших руках.

— Я этого не потерплю, чтобы тебя держать в Семинарии. Когда ты приедешь домой, то узнаешь!

22 мая в 11 ч. утра Никодима Каменских вызвали в епархиальное управление, где между ним и уполномоченным по делам религиозной состоялся следующий разговор по телефону.

— Уполномоченный:

— Вам говорил инспектор, чтобы вы явились в КГБ?

— Да, говорил.

— Почему же вы не явились?

- Без официальной повестки я не пойду.
- Сейчас придите ко мне и я вам дам направление.
- Не придут!
- Нет, придешь!

Никодим Каменских кладет трубку, прерывает разговор и возвращается в Семинарию. Он терпеливо ожидает решения своей участи.

24 мая после обеда Никодима Каменских вызвал ректор и взял у него военный билет и паспорт. Он сказал:

- Тебя выпишут из Одессы.
- Вся вина за это ляжет на вас и на инспектора.

24 мая в Одессу приехал Патриарх Алексий.

29 мая утром ректор и инспектор Семинарии предложили Никодиму уйти из Семинарии «по собственному желанию». Он от этого отказался. Вечером педсовет постановил исключить Никодима Каменских из Семинарии.

30 мая Никодиму выдали табель, в котором написано, что он «Переводится в III кл. по первому разряду (ж. № 8 от 20/V—1967 г.)», паспорт (выписан из Одессы 25/V) и воинский билет (выписан из Одессы 24/V). Вместе с табелем ему выдали справку об исключении из Семинарии «за несоответствие духу Семинарии».

(Табель (копия) и справка об исключении (копия заверенная нотариусом) приложены к настоящей истории).

19 июня из гор. Кирова Никодим Каменских отправил прошение на имя Патриарха Алексия, в котором он еще раз подтверждает свое согласие в Кировском письме и протестует против исключения из Семинарии. (Копия этого прошения, написанная самим Н. Каменских, приложена к настоящей истории).

20 июня. Начальник милиции г. Нолинска отказался прописать по старому месту жительства Никодима Каменских и он стал бездомным нищим.

Копия

Инспектору Одесской Духовной Семинарии
Кравченко Александру Николаевичу

От воспитанника II-го класса
Одесской Духовной Семинарии
Каменских Никодима

Объяснительная записка.

В ответ на Ваш устный вопрос: «Почему вы подписали открытое письмо верующих христиан Кировской области к Патриарху Алексию?» Отвечаю: «Я, как христианин, и тем более семинарист, не мог не подписать этого письма, так как в нем содержались истинные факты известные мне самому». **Поэтому еще раз подтверждаю истинность своей подписи и свое согласие с содержанием документа.** Уверяю Вас, что я ни в каких раскольнических группировках не участвовал и не участвую и ни под чьим влиянием не находился и не нахожусь. Я всегда был согласен с учением Р.-Православной Церкви, уважал и уважаю ее иерархию, но считаю своим христианским долгом поддерживать жалобы и заявления других верующих на тех из иерархов, которые своими поступками вредят делу Церкви и способствуют закрытию Церквей.

Прошу Вас чистосердечно, понять меня и руководить меня в духовном воспитании.

19 мая 1967 года.

(Подпись) Н. Каменских.

Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексею.

От бывшего воспитанника Одесской духовной Семинарии
Каменских Никодима Николаевича,
проживающего в г. Нолинске
Кировской области по ул. Первомайской, д. 50.
19 июня 1967 года.

Прошение.

Ваше Святейшество!

29 мая 1967 г. я, по окончании 2-го класса, был исключен из Одесской Духовной Семинарии «за несоответствие духу Семинарии», как указано в выданной мне справке. Действительной же при-

чиной исключения являлось то, что я почти год тому назад подписал открытое письмо верующих к Вашему Священству, которое, помимо нашей воли, осенью 1966 г. стало известно за границей. Инспектор Семинарии А. Н. Кравченко до исключения несколько раз вызывал меня и требовал, чтобы я в письменной форме отказался поддерживать это письмо. На это требование 19 мая 1967 г. я отвечал Заявлением, в котором подтвердил снова добровольность своей подписи и согласие с письмом Кировских верующих. После этого я был исключен. Я считаю это исключение несправедливым, так как я поступал по требованию своей христианской совести, отстаивая правду.

Митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим в феврале с. г., за границей объявил несуществующими лиц, подписавших письмо из Кирова, а меня, одного из подписавших, за подпись исключили из семинарии.

Я всегда был согласен с учением Р. Православной Церкви, уважал и уважаю ее иерархию и ни в каких раскольнических группировках не участвовал. Я желаю закончить Духовную Семинарию. Поэтому прошу Ваше Святейшество, отменить постановление Педагогического Собрания от 29-го мая 1967 г. и разрешить мне обучаться на третьем курсе какой-либо другой.

При сем прилагаю: 1) Копию справки с постановления Педагогического Собрания от 29 мая 1967 г.

2) Копию табеля об успеваемости.

Ваш молитвенник,

Н. Каменских (подпись).

— Отправлено из г. Кирова заказным с уведомлением 19 июня 1967 года.

Подпись Н. Каменских.

В начале августа с. г. Н. Каменских был в Московской Патриархии на приеме у Архиепископа Алексия, управляющего Патриархией. Последний сказал ему, что Патриархия не может удовлетворить его просьбу.

27 августа 1967 г.

Московская патриархия
Одесская Духовная Семинария

«29» мая 1967 г.

№ 66

Справка

Дана настоящая Каменских Никодиму Николаевичу в том, что он действительно обучался в Одесской Духовной Семинарии с 1 сентября 1965 года по 29 мая 1967 года и постановлением Педагогического Собрания от 29 мая 1967 года исключен из числа воспитанников Семинарии за несоответствие духу Семинарии.

Ректор Семинарии
Архимандрит Феодосий.

Московская Патриархия
Одесская Духовная Семинария

Секретарь Правления

Протоиерей Н. Деснов,

Киров, 19 июня 1967 г.

Я, Луньяненко М. Е., ст. нотариус I Кировской государственной нотариальной конторы — свидетельствую верность этой копии с подлинником ее. При сличении копии с подлинником, в последнем поправок, приписок, зачеркнутых слов и других особенностей не оказалось.

Взыскано госпошлины 0-20.

По реестру № 5-0-2090.

Ст. нотариус (подпись).

Предметы:	Трети			Год. балл	За-чет	Экза-мен	Пере-водн. балл
	I	II	III				
1. Свящ. Писан. Ветх. Завета	4	4	4	4	4		4
2. Свящ. Писан. Нового Завета	4	4	5	5		4	4
3. Катехизис	4	5	4	4		4	4
4. Церков. Устав	4	3	4	4		4	0
5. История Христ. Церкви	5	4	4	4	3	4	4
6. Церк. славянск. язык	3	3	3—	3		4	4
7. Русский язык	3	4—	4+	4		4	4
8. Греческий язык	4	4	4	4	4		4
9. Иностр. язык (фр.)	4	4+	4	4	4		4
10. Церк. пение	4+	4	4+	4+	4+		4+
11. Сочинение			4	12			4,12
12. Практика в храме			4,	12			4
13. Поведение	5	5	5	5			5

Подпись классного наставника: прот. Л. Недайхлебов

Постановление Педагогического Соборания: Переводится в III класс по первому разряду (ж. № 8 от 20/5—67 г.).

Московская патриархия
Одесская
Духовная
Семинария

Секретарь Правления (роспись)
Прот. Н. Деснов.

Письмо к советскому интеллигенту

Не говори: "Забыл он осторожность,
Он сам судьбы своей виной"...
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Его еще покамест не распяли,
Но час придет: он будет на кресте.
Его послал Бог гнева и печали
Царям земли напомнить о Христе.

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Среди откликов на Ваши выступления в защиту друзей Ваших я что-то не слышал ни одного имени служителя Церкви. Позвольте мне присоединиться в искреннейшем сочувствии к Вашему горю. Увы, это не поздно — друзья Ваши продолжают безвинно страдать. Но вместе с этой печалью я испытываю от Ваших выступлений духовный подъем. **Слава Вам!** Мечтаю лично познакомиться с Вами.

Слышал, будто Вы — атеист. Это отнюдь не мешает моему восхищению. В новейших направлениях христианской мысли мы выходим к идее Церкви, как мистического Тела Христова, состоящего из клеток — людей доброй воли и действия, **независимо** от их поверхностных рассудочных так называемых «убеждений». Подобно тому, как здоровая клетка живого тела может не знать ничего о главе тела, о целом теле, — подобно этому человек доброй воли может быть «неверующим», не знать и не думать ничего о Христе, о Боге — и принадлежать к Церкви Христовой. Сегодня в России очень многие называют себя атеистами только по недостатку образования. О Вас этого не скажешь, но я догадываюсь, что и у Вас это связано с условностями и случайностями. Не намереваюсь здесь проповедывать Вам Христианство, но чрезвычайно рад написать Вам, что Вы сами — живое доказательство правды Христианства. Слыша о Ваших выступлениях, я думаю, каждый христианин с глубоким волнением ощутит присутствие и действие в человечестве Духа Христова. Спешу перейти на общий с Вами язык: если везде,

где я произношу святейшее для меня Имя **Христос** — если везде там **Вы** подставите святейший для Вас принцип духовной **Красоты**, — этого будет достаточно для нашего практического единства. Ибо Любовь, Свобода, Правда, Бесстрашие, Верность, все это — Имена нашего Господа, Которого Вы, не зная, чтите, Которого так великолепно проповедали в Ваших благородных мужественных выступлениях.

Но бедные друзья Ваши продолжают страдать. Спасибо, конечно, за поддержку Стравинскому и другим. Но этого оказалось слишком мало. Не нашлось у людей доброй воли собрать не десять, а десять тысяч, сто тысяч, миллион подписей в защиту Христа, страдающего в лице Ваших друзей. **«В темнице был, и вы не посетили Меня»**. Для меня особенно печально, что слова эти в данном случае обращены к христианам всего мира, которые остались так странно безучастны к судьбе Ваших друзей.

Говоря так, я прошу не относить этого упрека к русской церковной организации. Хочу воспользоваться этим горестным случаем, чтобы вообще «оправдаться» именно перед Вами, ибо **Вы** представляете в некотором смысле совесть русской интеллигенции. Вы знаете, что основной контингент верующих у нас состоит по преимуществу из женщин, по преимуществу пожилого возраста, по преимуществу малообразованных. Ничего они о Вашем деле не слышали и не знают. Что касается духовенства, то уже с незапамятных времен в нашей истории его социальная деятельность была парализована. А сегодня русская церковная организация находится в неопишимо сложных условиях, каких не было еще никогда в истории человечества. Вы знаете, что время от времени наш Патриарх подписывает документы о том, что Русская Церковь пользуется полнейшей свободой. Неразумно было бы относиться к этому всерьез и просто непорядочно было бы обличать нас за это — **ибо мы не можем публично объясниться...** Ограничусь аналогией, которая в общем довольно верно передаст суть дела. Руководитель профессиональной организации музыкантов может подписывать любые документы, но это не повлияет на сущность высокой Музыки, которую мы, благодаря этому, можем слушать, которая представляет собою независимую духовную ценность. Поговорите с простыми верующими, с христианами Вашего круга — Вы услышите, что храм и все, что там совершается, есть для них святыня, которая помогает им духовно жить... При любых личных оценках наших руководителей должно признать, что они не могут рисковать

возможностью совершать легальное церковное «богослужение». Пишу это слово в кавычках, ибо истинное служение Богу совершается в жизни.

Насколько я понимаю, у Вас это служение связано теперь с трудной судьбой свободы. У Достоевского в тетради есть запись: «Социализм — это отчаяние устроить человека на земле, они устраивают ему деспотизм и говорят, что это самая и есть свобода»... Социалистическое общество должно на деле доказать, что это — клевета, должно найти жизнеспособное сочетание организованного порядка и творческой свободы. Вместе с заботами о сохранении мира это — центральная проблема нашего времени. Ясно, что отсутствие свободы — это смерть всякого творчества во всех областях жизни. Но столь же ясно и то, что свобода без других принципов Христианства обернулась бы анархией и хулиганством... Воистину: **«Без Меня не можете творить ничего»**.

Повидимому, первым шагом на пути к упорядоченной свободе должно бы стать возвращение словам принадлежащего им смысла, исполнение уже написанных законов. В этом отношении можно сказать, что друзья Ваши страдают за всех нас — за всех, кто любит правду. **Да поможет им Бог. Позвольте надеяться, что Вы не ослабите Ваших усилий. «Стучите — и откроется вам»**.

С уважением

(священник о. Сергей Желудков —
Псков, 14, Псковская ул., 6).

30 марта 1968 года.

ПРАВАЯ КИСТЬ

В ту зиму я приехал в Ташкент почти уже мертвым. Я так и приехал сюда — умирать.

А меня вернули пожить еще.

Это был месяц, месяц и еще месяц. Хрустальная ташкентская весна прошла за окнами, вступила в лето, повсюду густо уже зазеленело и совсем было тепло, когда стал я выходить неуверенными ногами.

Еще не смел сам себе признаться, что я выздоравливаю, еще и в самых заветных мечтах, измеряя добавленный мне срок жизни не годами, а месяцами, — я медленно прохаживался по гравийным и асфальтовым дорожкам парка, разросшегося меж корпусов медицинского института. Мне надо было часто присаживаться, а иногда, от разбирающей тошноты, и прилечь, пониже опустив голову.

Я был таким, да и не таким, как окружающие меня больные: я был много бесправнее их и вынужденно безмолвнее их. К ним приходили на свидание, о них плакали родственники, одна была их забота, одна цель — выздороветь. А мне выздоравливать было почти не для чего: у тридцатилетнего, у меня не было во всем мире никого родного в ту весну. Еще не было у меня паспорта, и если бы я теперь выздоровел, то надо было мне покинуть эту зелень, эту многоплодную страну — и возвращаться к себе в пустыню, куда я сослан был н а в е ч н о, под гласный надзор, с отметкой каждые две недели, и откуда комендатура долго не удабривалась меня и умирающего выпустить на лечение.

Обо всем этом я не мог рассказать окружающим меня больным.

Если б и рассказал, они б не поняли...

Но зато, держа за плечами десять медлительных размышлений, я уже знал ту истину, что подлинный вкус жизни постигается не во многом, а в малом. Вот и в этом неуверенном переступе еще слабыми ногами. В осторожном, чтоб не вызвать укола в груди, вздохе. В одной не побитой морозом картофелине, выловленной из супа. Во взгляде, не спешащем перебежать по щедрым оттенкам цветения.

И так весна была для меня самой мучительной и самой прекрасной в жизни.

Все было для меня забыто или невиданно, все интересно: даже тележка с мороженым, даже подметальщик с брендспойтом — гном, но с черной большой бородой, в сером брезентовом фартуке, но и в картузе с небесным околышем; даже торговка с пучками ярко-лиловой редиски; даже жеребенок, забредший на газоны через пролом в стене — и как его отсюда гнали.

День ото дня я отваживался отходить от своей клиники и подальше. В парке росли дубы, клены, акации. Деревья были толсты в обхватах, широки в размахе ветвей, посажены еще, должно быть, в конце прошлого века, когда и эти добротные кирпичные здания с открытой расшивкой швов клались для туркестанского кадетского корпуса.

С восхода торжественного солнца весь южный день напролет и еще глубоко в желто-электрический вечер парк был наполнен оживленным движением, особенно по главным аллеям. Быстро шли по делам здоровые, неспешно расхаживали больные. Крик женской моды был, кажется, — китайские зонтики на бамбуковых палочках; крик мужской — чесучовые брюки со светлым поясом и вышитая желтоватая шелковая рубашка.

Там, где несколько аллей стекались в одну, идущую к главным воротам, белел большой алебастровый Сталин с каменной усмешкой в усах.

Дальше по пути к воротам стоял писчебумажный киоск. Продавались в нем пластмассовые карандаши и обольстительные записные книжечки. Но не только деньги мои были сурово считанные, — а и книжки записные у меня уже в жизни бывали, но попали потом не туда, куда нужно, и рассудил я, что лучше их не иметь.

У самых же ворот располагались фруктовый ларек и чайхана. Нас, больных в полосатых пижамах, в чайхану не пускали, но загородка была открытая, и через нее можно было смотреть. Живой чайханы я и вовсе никогда в жизни не видал — этих отдельных для каждого чайников с зеленым и черным чаем. Была в чайхане европейская часть со столиками, и узбекская со сплошным помостом. За столиками ели-пили быстро, в испитой пиале оставляли мелочь для расплаты и уходили. На помосте же, на циновках под камышевым тентом, натянутым с жарких дней, сидели и полеживали целыми часами, кто и днями

— выпивали чайник за чайником, играли в кости, и как будто ни к каким обязанностям не призывал их долгий день.

Фруктовый ларек торговал для всех, и для больных тоже, — и тут мои ссыльные копеечки поживались от цен. Я рассматривал со вниманием горки урюка, изюма, свежей черешни — и отходил.

Далее шла высокая стена. За ворота больных не выпускали. Через эту стену по два и по три раза в день (потому что город был миллионный, а кладбище было тут рядом) переваживались в медгородок траурные марши. Минут по десять они тут звучали, пока медленная процессия миновала городок. Размеренные глухие удары барабана отбивали неуклонный ритм. На спешащую, кишащую толпу этот ритм не действовал, ее ритм был чаще. Здоровые лишь чуть-чуть оглядывались и снова спешили, куда было нужно им, и за тем, что, как хорошо они знали, им было нужно. А на больных марши эти действовали очень: они останавливались, долго слушали, высовывались из открытых окон корпусов.

Чем явственней я освобождался от болезни, чем вернее становилось, что я останусь жив, тем тоскливее я озирался вокруг: мне уже было жаль все это покидать.

На стадионе медиков бсыые фигуры перебрасывались белыми теннисными мячами. Всю жизнь хотелось мне играть в теннис, и никогда не привелось. Под крутым берегом клочкотал мутно-желтый поток бешеной Салар. А что за деревья жили в парке — таких мне уж не повидать. И восьмигранный фонтан выбрасывал тонкие, свежие серебрянки струй — к вершинам. А что за трава была на газонах! — Сочная, зеленая, настоящая, давно забытая (в лагерях ее выпалывали как врага, в ссылке не росла никакая). Просто лежать на ней ничком, мирно вдыхать травяной запах и солнцем нагретые воспарения — было уже блаженством.

Тут, в траве, я лежал не один. Там и сям мило зубрили свои пухлые учебники студентки мединститута. Или, захлебываясь в рассказах, шли с зачетов. Или, гибкие, покачивая спортивными чемоданчиками, — из душевой стадиона. Вечерами не различимые, а потому втройне притягательные девушки в нетроганных и троганных платьицах, обходили фонтан и шуршали гравием аллеек.

Мне было кого-то разрывающе жаль: не то сверстников моих, перемороженных под Демянском, сожженных в Освенциме,

исправленных в Джезказгане, домирающих в тайге — что не нам достанутся эти девушки. Или девушек этих за то, чего мне им никогда не рассказать, а им не узнать никогда.

И целый день гравийными и асфальтовыми дорожками лились женщины — молодые врачи, медицинские сестры, лаборантки, регистраторши, кастелянши и родственницы, посещающие больных. Они проходили мимо меня в снежно-строгих халатах и в ярких южных платьях, часто полупрозрачных, кто побогаче — вращая над головами эти самые зонтики — солнечные, голубые, розовые. Каждая из них, промелькнув за секунду, составляла целый сюжет: ее прожитой жизни до меня, ее возможного (невозможного) знакомства со мной.

Я был жалок. Исхудалое лицо мое несло на себе все пережитое — морщины многолетней лагерной угрюмости, пепельную мертвизну задубленной кожи, недавнее отравление ядами болезни и ядами лекарств, отчего к цвету щек добавилась еще и зелень. От охранительной привычки подчиняться и прятаться спина моя была пригорблена. Белозеленая полосатая шутовская курточка едва доходила мне до живота, такого же цвета брюки кончались выше щиколоток, из тупоносых лагерных кирзовых ботинок вывешивались уголки портянок, коричневых от времени.

Последняя из этих женщин не решилась бы пройти со мной рядом!.. Но я не видел сам себя. А глаза мои не менее прозрачно, чем у них, пропускали внутрь меня мир.

Так однажды перед вечером я стоял у главных ворот и смотрел. Мимо меня стремился обычный поток, покачивались зонтики, мелькали шелковые платья, чесучевые и полотняные костюмы, вышитые тюбетейки. Смешивались голоса, торговали фруктами, за загородкой пили чай, метали кубики — а у загородки, привалившись к ней, стоял нескладный маленький человечек, вроде нищего, и задыхающимся голосом иногда обращался: Товарищи... товарищи...

Пестрая занятая толпа не слушала его. А я подошел:

— Что скажешь, браток?

У этого человека был непомерный живот, больше, чем у беременной, мешком обвислый, распирающий грязнозащитную гимнастерку и грязнозащитные брюки. Сапоги его с подбитыми подошвами были тяжелы и пыльны. Не по погоде отягощало плечи толстое расстегнутое пальто с засаленным воротником и затертыми обшлагами. На голове лежала стародавняя истрепанная кепка, достойная огородного пугала.

Отечные глаза его были мутны и выражали крайнее изнурение. Он с трудом приподнял одну кисть, сжатую в кулак, и я вытянул из нее помятую, потную бумажку. Это было угловато написанное цепляющимся по бумаге пером заявление гражданина Боброва с просьбой определить его в больницу — и на заявлении искоса две визы, синими и красными чернилами. Синие чернила были горздравовские и выражали разумно мотивированный отказ. Красные же чернила приказывали клинике мединститута принять больного в стационар. Синие чернила были вчера, а красные — сегодня.

— Ну что ж, — громко растолковывал я ему, как глухому, — в приемный покой Вам надо, в первый корпус. Пойдите, вот, значит, прямо до... памятника...

Но тут я заметил, что у самой цели силы оставили его, что не только спрашивать дальше и передвигать ноги по гладкому асфальту, но и держать в руке полуторакилограммовый грязный мешочек, завязанный узелком, ему было невмочь. И я решил:

— Ладно, папаша, провожу, пошли. Мешочек-то давай.

Слышал он хорошо. С видимым облегчением он передал мне свой нечистый мешочек, налег на мою подставленную руку и, почти не поднимая ног, полозя по асфальту сапогами, двинулся. Я повел его под локоть через пальто, порыжевшее от пали. Раздувшийся живот словно перевешивал старика к переду, он тяжело вздыхал.

Так мы шли, два обтрепыша, той самой аллеей, где я в мыслях своих брал под руку красивейших девушек Ташкента. Долго, медленно мы тащились, все время видя перед собой большого алебастрового Сталина.

Наконец, свернули. По пути нашему стояла скамья с прислоном. Мой спутник попросил посидеть. Меня тоже начинало подташнивать, я перестоял лишку. Мы сели. Отсюда и фонтан было видно тот самый. Еще по дороге старик мне сказал несколько фраз и теперь, отдышавшись, добавил. Ему нужно было на Урал, прописка в паспорте у него была уральская, и в этом вся беда. А болезнь прихватила его где-то под Тахиа-Ташем (где, я помнил, канал какой-то начинали строить, бросили потом). В Ургенте его месяц держали в больнице, выпускали воду из живота и из ног, хуже сделали и выписали. В Чарджоу он с поезда сходил, и в Урсатьевской, — но нигде лечить его не принимали, слали на Урал, по месту прописки. Ехать же в поезде ему сил не было, и денег не осталось на билет. И вот теперь в Ташкенте добился за два дня, чтобы положили.

Наглядысь на многих больных, я различал ясно, что в нем уже не осталось воли к жизни. Губы его выражали расслабленность, речь была мало внятна, и какая-то тускловатость находила на глаза.

Даже кепка томила его. С трудом поднимая руку, нечистым рукавом вытер со лба пот. Куполок его головы пролысел, а кругом по темени сохранились нечесанные, сбитые пылью волосы, еще русые. Не старость его довела, а болезнь. На шее его, до жалости истончавшей, цыплячьей, висело много кожи лишней, и отдельно ходил спереди треугольный кадык.

На чем было и голове держаться? Едва мы сели, она свалилась ему на грудь, упершись подбородком. Так он и замер, с кепкой на коленях, с закрытыми глазами. Он, кажется, забыл, что мы только на минутку присели отдохнуть и что ему надо в приемный покой.

Вблизи перед нами серебряной пылью извивалась почти бесшумная фонтанная струя. На ту сторону прошли две девушки рядом. Я проводил их в спину. Одна была в оранжевой юбке, другая в бурой. Обе мне очень понравились.

Сосед мой слышно вздохнул, перекатил голову на груди, и приподняв желтосерые веки, посмотрел на меня снизу сбоку:

— А курить у Вас не найдется, товарищ?

— И из головы выкинь, папаша! — сурово приказал я. — Нам с тобой хоть не куря бы еще землю сапогами погрести. В зеркало на себя посмотри. Курить! Я и сам то курить бросил месяц назад, еле оторвался.

Он засопел. И опять посмотрел на меня из-под желтых век снизу вверх, как-то по собачьему.

— Все ж таки дай рубля три, товарищ!

Я задумался, дать или не дать. Что ни говори, я оставался еще ЗК, а он был все ж таки вольный. Сколько лет я работал — мне ничего не платили. А когда стали платить, так вычитали: за конвой, за освещение зоны, за ищеек, за начальство, за баланду.

Из маленького нагрудного кармана своей шутовской курточки я достал клеенчатый кошелек, пересмотрел бумажки в нем. Вздохнул, протянул старику трешницу.

— Спасибо, — просипел он. С трудом, держа руку приподнятой, взял эту трешницу, заложил ее в карман — и тут же его освобожденная рука шлепнулась на колено. А голова опять уперлась подбородком в грудь. Помолчали.

Перед нами за это время прошла женщина, потом еще две студентки. Все три мне понравились. Годами так бывало, что ни голоса их не услышишь, ни стука каблучка.

— Еще удачно получилось, что Вам резолюцию поставили, — высказал я. — А то бы и неделю тут околачивались. Простое дело. Многие так.

Он оторвал подбородок от груди и повернулся ко мне. В глазах его просветился смысл, дрогнул голос и речь стала разборчивее:

— Сынок! Меня кладут потому, что я заслуженный человек. Я ветеран революции. Мне Сергей Миронович Киров под Царицыном руку пожал. Мне персональную пенсию должны платить.

Слабое движение щек и губ — тень гордой улыбки — выразилась на его небритом запущенном лице. Я оглядел его рабочее тряпье и еще раз его самого.

— Почему же не платят?

— Жизнь так сложилась, — вздохнул он. — Теперь меня не признают. Какие архивы сгорели, какие потеряны. И свидетелей не собрать. И Сергея Мироныча убили... Сам я виноват, сам справок не скопил... Одна вот только есть...

Правая кисть — суставы ее были кругло опухшие и пальцы как-будто мешали друг другу — он донес до кармана, туда опустил, — но тут короткое оживление его прервалось, он опять уронил руку, голову и замер.

Солнце уже западало за здание корпуса, и у меня мелькнуло опасение, что в приемный покой — до него оставалась сотня шагов — надо поспешить: в клиниках никогда при мне не было легко с местами.

Да и самого меня уже тянуло прилечь. Я взял спутника за плечо:

— Папаша! Очнись! Вон, видишь, дверь? Видишь? Я пойду подтолкну пока. А ты сможешь — сам дойдешь, нет — меня подожди. Мешочек твой я заберу.

Он кивнул, будто понял. Я пошел налегке.

В приемном покое — куске большого, обшарпанного зала, отгороженном грубыми перегородками (за ними была здесь где-то баня, передевальня, парикмахерская) днем всегда теснились больные и измирали долгие часы, пока их примут. Но сейчас на удивление не было ни души. Я постучался в закрытое фанерное

окошечко. Его растворила очень молодая сестра с носом туфелькой, с губами, накрашенными не красной, а густо лиловой краской.

— Чего Вам? — она сидела за столом и читала, по всей видимости, комикс про шпионов.

Быстренькие такие были у нее глазки. Я подал ей заявление с двумя резолюциями.

— Он еле ходит, — пояснил я. — Сейчас я его доведу.

— Не смейте никого вести! — резко вскрикнула она, даже не посмотрев... Больных принимаем только с десяти утра!

Это она не знала «порядка». Я просунул голову и, сколько поместилось, руку, чтобы она меня не прихлопнула. Там, отсисив криво нижнюю губу и скорчив физиономию гориллы, я сказал блатным голосом:

— Слушай, барышня! Между прочим, я у тебя не в шестерках.

Она оробела, отодвинула стул вглубь своей комнатки и выдавила:

— Приема нет, гражданин! В десять утра.

— Вы прочтите бумажку! — очень посоветовал я ей низким недоброжелательным голосом.

Она прочла.

— Ну и что ж? Порядок общий. И завтра, может, мест не будет. Сегодня утром не было.

Она даже как бы с удовольствием это выговорила, что сегодня утром мест не было, как бы укалывая этим меня.

— Но человек проездом, понимаете? Ему деться некуда.

По мере того, как я выбирался из форточки назад и переставая говорить с лагерной ухваткой, лицо ее принимало прежнее жестоко-веселое выражение:

— У нас все приезжие! Куда их ложить? Ждут. Пусть на квартиру станет.

— Но вы выйдите, посмотрите, в каком он состоянии.

— Еще чего! Буду я ходить больных собирать! Я не санитарка!

И гордо дрогнув своим носом-туфелькой, она так бойко-быстро отвечала, как будто пружиной заведена на ответы.

— Так для кого вы тут сидите? — со злостью хлопнул я ладонью по фанерной стенке, и посыпалась мелкая пыльца побелки. — Тогда закройте двери!

— Вас не спросила!! — взорвалась она, вскочила, обежала кругом и появилась из коридорчика. — Кто вы такой? Не учите меня! Нам скорая помощь привозит.

Если бы не эти грубо-лиловые губы и такой же лиловый маникюр, она была бы совсем недурна. Носик ее украшал. И бровями она водила очень значительно. Халат на груди был широко отложен из-за духоты и виднелась косынка розовенькая славная, и комсомольский значек.

— Как? — поразился я. — Так если бы он не сам к вам пришел сейчас, а его на улице подобрала бы скорая помощь — вы бы его приняли? Есть такое правило?

Она высокомерно оглядела мою нелепую фигуру, я — оглядел ее. Я совсем позабыл, что у меня портянки высовываются из ботинок. Она фыркнула, но приняла сухой вид и закончила:

— Да, больной, есть такое правило, — и ушла за переродку.

Шорох послышался позади меня — я оглянулся. Мой спутник уже стоял здесь. Он слышал и понял. Придерживаясь за стенку и перетягиваясь к большой садовой скамье, поставленной для посетителей, он, чуть помахивая правой кистью, держал в ней бумажник.

— Вот... — изнеможенно выговорил он, — вот, покажите ей... пусть она... вот...

Я успел его поддержать и опустить на скамью. Он беспомощными пальцами пытался вытянуть из бумажника свою единственную справку и никак не мог. Я принял от него эту ветхую бумажку, подклеенную по сгибам от рассыпания и развернул. Пишущей машинкой отпечатаны были фиолетовые строчки с буквами, пляшущими из ряда то вверх, то вниз:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

С п р а в к а

Дана сия товарищу Боброву И. К. в том, что в 1921 году он действительно состоял в славном . . . . . вском отряде Особого назначения имени Мировой Революции и своей рукой много порубил оставшихся гадов.

Комиссар . . . . . (подпись)

И бледнела фиолетовая печать.

Поглаживая рукой грудь, я спросил тихо:

— Это что же «Особого назначения»? Карательный?

— Ага, — ответил он, едва придерживая веки незакрытыми. — Покажите ей.

Я скопился на его руку, на его правую кисть — такую маленькую, со вздувшимися бурыми венами, с кругло-опухшими суставами, почти неспособную вытянуть справку из бумажника. Я вспомнил эту моду, как пешего рубили с коня наотмашь, наискосок.

Страшно... На полном размахе рука поворачивала саблю и сносила голову, шею, часть плеча — эта правая кисть. А сейчас не могла удержать бумажника.

Подойдя к фанерной форточке, я опять надавил ее. Регистраторша, не поднимая головы, читала свой комикс. На странице вверх ногами я увидел благородного военного, прыгнувшего на подоконник с пистолетом.

Я тихо положил ей надорванную справку поверх книги и, обернувшись, все время поглаживая грудь от тошноты, пошел к выходу.

— Чего это бумажки раскидываете? Заберите, больной! — стрельнула девица через форточку мне вслед, но поздно.

Ветеран глубоко ушел в скамью. Голова его, шея и даже плечи как бы осели в туловище. Раздвинуто повисли его пальцы. Он как будто задремал. Свисало распахнутое пальто. Круглый раздутый живот неправдоподобно лежал на бедрах.

Я вышел наружу и вобрал предвечернего воздуха.

Мне нужно было скорей голову опустить пониже. До моего корпуса еще было далеко. Я добрал до первой скамейки и лег.

Группа молодых в стороне шла к стадиону со спортивными чемоданчиками. Все сразу громко разговаривали и смеялись.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Первым моим бригадиром был Котур, серб, попавший на Колыму после разгрома интернационального клуба в Москве. Котур не относился к своим бригадирским обязанностям серьезно, понимая, что судьба его — как и всех нас, решается не в золотых забоях, а совсем в другом месте. Впрочем Котур ежедневно ставил нас на работу, замерял со зрителем результаты, укоризненно качал головой. Результаты были плачевны.

— Ну, вот ты — ты знаешь лагерь. Покажи, как надо махать лопатой, — попросил Котур.

Я взял лопату и, раскалывая легкий грунт, накатал тачку. Все засмеялись.

— Так работают только филоны.

— Поговорим об этом через двадцать лет.

Но нам не пришлось поговорить через двадцать лет. На прииск приехал новый начальник Леонид Михайлович Анисимов. При первом же обходе забоев он снял Котура с работы. И Котур исчез...

Наш бригадир сидел в тачке и не встал при приближении начальника. Тачка — слов нет — приспособлена для работы удачно. Но еще лучше тачки кузов ее приспособлен для отдыха. Трудно встать, подняться с глубокого, глубокого кресла — нужно усилие воли, нужна сила. Котур сидел в тачке и не встал, когда подошел новый начальник, не успев встать. Расстрел.

С приездом нового начальника — сначала он был заместителем начальника прииска. Каждый день, каждую ночь из бараков брали и увозили людей. Никто из них не возвращался на прииск. Александров, Кливанский — фамилии стерлись в памяти.

Новое пополнение и вовсе не имело имен. Зимой тридцать восьмого года начальство решило пешком отправлять этапы из Магадана на прииски севера. От колонны в пятьсот человек за пятьсот километров к Ягодному доходило тридцать-сорок. Остальные оседали в пути — обмороженными, голодными, застреленными. По фамилиям никого из этих прибывших не знали — это были люди из чужих этапов, не отличимые друг от друга ни одеждой, ни голосом, ни пятнами обморожений на щеках, ни пузырями отморожений на пальцах.

Бригады уменьшались в числе — по дороге на Серпантинку,

на расстрельную командировку Северного управления, — день и ночь проходили машины, возвращавшиеся порожняком.

Бригады сливали — людей не хватало, а правительство обещало дать рабсилу, требуя план. Каждый начальник прииска знал, что за людей с него не спросят — еще бы, это самое ценное — люди, кадры. Это все любой начальник изучал в политкружках, а практическую иллюстрацию получал в золотых забоях своего прииска.

К этому времени начальником прииска «Партизан» Северного горного управления был Леонид Михайлович Анисимов, — будущий большой начальник Колымы, посвятивший всю жизнь Дальстрою, — начальник Западного управления, начальник Чукотстроя.

Но начинал лагерную карьеру Анисимов на прииске «Партизан», на моем прииске.

Именно при нем прииск был наводнен конвоем, выстроены зоны, управление аппарата «оперов» — начались расстрелы целыми бригадами и в одиночку. Начались чтения на поверках, разводах, бесконечных приказов о расстрелах. Эти приказы были подписаны полковником Гараниным, но фамилии людей с прииска «Партизан» — а их было очень много, — были названы, выданы Гаранину Анисимовым. Прииск «Партизан» — маленький прииск. На нем всего в 1938 году было две тысячи человек списочного состава. Соседние прииски «В-атурях» и «Штурмовой» были по 12 тысяч населения каждый.

Анисимов был старательным начальником. Я очень хорошо запомнил два личных разговора с гражданином Анисимовым. Первый в январе тридцать восьмого года, когда гражданин Анисимов пожаловал на развод по работам и стоял в стороне, глядя как его помощники под взглядом начальника вертятся быстрее, чем следовало. Но недостаточно быстро для Анисимова.

Выстраивалась наша бригада и прораб Сотников, показав на меня пальцем, извлек из рядов и поставил перед Анисимовым.

— Вот филон. Не хочет работать.

— Ты кто?

— Я журналист, писатель.

— Консервные банки ты здесь будешь подписывать. Я спрашиваю — ты кто?

— Забойщик бригады Фирсова, заключенный имя-рек, срок пять лет.

— Почему не работаешь, почему вредишь государству?

— Я болен, гражданин начальник.

— Чем ты болен, такой здоровый лоб?

— У меня сердце.

— Сердце. У тебя сердце. У меня самого сердце большое. Врачи запретили Дальний Север. Однако, я здесь.

— Вы — это другое дело, гражданин начальник.

— Смотри на сколько слов в минуту. Ты должен молчать и работать. Подумай, пока не поздно. Расчет с вами будет.

— Слушаюсь, гражданин начальник.

Вторая беседа с Анисимовым была летом, во время дождя, на четвертом участке, где нас держали, промокших насквозь. Мы бурили шурфы. Бригада блатарей давно была отпущена в барак из-за ливня, но мы были пятьдесят восьмая, и мы стояли в шурфах, неглубоких, по колено. Конвой скрывался от ливня под грибом.

В этот ливень, в этот дождь нас посетил Анисимов вместе с заведующим взрывными работами приисков. Начальник пришел проверить, хорошо ли мы мокнем, выполняется ли его приказ о пятьдесят восьмой статье, которая никаким «актировкам» не подлежит и которая должна готовиться в рай, в рай, в рай.

Анисимов был в длинном плаще с каким-то особенным капюшоном. Начальник шел, помахивая кожаными перчатками.

Я знал привычку Анисимова бить заключенных перчатками по лицу. Я знал эти перчатки, которые на зимний сезон сменялись меховыми «крагами» по локоть, знал привычку бить перчатками по лицу. Перчатки в действии я видел десятки раз. Об этой особенности Анисимова говорили на «Партизане» много в арестантских бараках. Я был свидетелем бурных дискуссий, чуть не кровавых споров в бараке — бьет ли начальник кулаком или перчатками или палкой или тростью, или плеткой, или прикладывая «ручной револьвер». Человек — сложное существо. Споры эти заканчивались чуть не драками, а ведь участники этих споров — бывшие профессора, партийцы, колхозники, полководцы.

В общем все хвалили Анисимова, бьет, но кто не бьет. Зато не остается синяков от перчаток Анисимова, а если крагой кому-то он разбил нос в кровь, то и то из-за «патологических изменений самой кровеносной системы человека, в результате длительного заключения», — как разъяснял один врач, которого в анисимовские времена не допускали до врачебной работы, а заставляли трудиться наравне со всеми.

Я давно дал слово, что если меня ударят, то это и будет кон-

цом моей жизни. Я ударю начальника и меня расстреляют. Увы, я был наивным мальчиком. Когда я ослабел, ослабела и моя воля, мой рассудок. Я легко уговорил себя перетерпеть и не нашел в себе силы душевной на ответный удар, на самоубийство, на протест. Я был самым обыкновенным доходягой и жил по законам психики доходяг. Все это было много позже, а тогда, когда мы встретились с гражданином Анисимовым — я был еще в силе, в твердости, в вере, в решении.

Кожаные перчатки Анисимова приблизились и я приготовил кайло.

Но Анисимов не ударил. Его красивые крупные темнокарие глаза встретились с моим взглядом и Анисимов отвел глаза в сторону.

— Вот все они какие, — сказал начальник прииска своему спутнику. — Все. Не будет толку.

ЧУЖОЙ ХЛЕБ

Это был чужой хлеб, хлеб моего товарища. Товарищ верил только мне, он ушел работать в дневную смену, а хлеб остался у меня в маленьком русском деревянном баульчике. Сейчас таких баульчиков не делают, а в двадцатых годах московские красотки щеголяли ими — такими спортивными чемоданчиками «крокодиловой» кожи из дермантина. В баульчике был хлеб, пайка хлеба. Если встряхнуть коробку рукой, хлеб перевалится внутри коробки. Баул лежал у меня под головой. Я долго не спал. Голодный человек плохо спит. Но я не спал именно потому, что в головах у меня был хлеб, чужой хлеб, хлеб моего товарища. Я сел на койке... Мне казалось, что все смотрят на меня, что все знают, что я собираюсь сделать. Но дневальный у окна ставил заплату на что-то. Другой человек, чьей фамилии я не знаю, тоже, как и я работал в ночной смене и лежал сейчас на чужом месте в середине барака, ногами к теплой железной печке. Ко мне это тепло не доходило. Человек этот лежал на спине, вверх лицом. Я подошел к нему — глаза его были закрыты. Я взглянул на верхние нары — там в углу барака кто-то спал или лежал, укрывшись ворохом тряпья. Я снова лег на свое место, решившись твердо заснуть. Я досчитал до тысячи и снова встал. Я открыл баул и вынул хлеб. Это была пайка «трехсотка», холодная, как кусок дерева. Я поднес ее к носу и ноздри тайно уловили чуть заметный запах хлеба. Я положил

кусочек обратно в баул и снова его вынул. Я перевернул коробку и высыпал на ладонь несколько хлебных крошек. Я слизнул их языком, сейчас же рот наполнился слюной и крошки растаяли. Я больше не колебался. Я отщипнул три кусочка хлеба маленьких, с ноготь мизинца, положил хлеб в баул и лег. Я отщипывал и сосал крошки хлеба. И я заснул, гордый тем, что я не украл хлеба товарища.

БИБЛИОГРАФИЯ

ДВА СЛОВА О "РАКОВОМ КОРПУСЕ" А. СОЛЖЕНИЦЫНА*)

Об этой книге можно было бы написать такую же длинную и под тем же заглавием, пожалуй, статью, как знаменитая (и немножко смешная) статья Добролюбова "Луч света в темном царстве". Можно было бы написать и книгу. Но диссертации еще в будущем, — недалеко; а читать рецензий о ней незачем. Надо ее прочесть. Всякому надо ее прочесть, у кого на языке слово "Россия" или его суррогат "С.С.С.Р.". А уж тем более русскому.

Не пугайтесь заглавия. Не страшитесь обещаемой им темы. Никто человечней и умней такой темы не трактовал, и она побеждена: милосердием и правдой. Но совсем это и не вся тема книги. Книга эта всего больше похожа, из всех русских книг, на "Записки из мертвого дома", а ведь "записки" эти тоже не о каторге одной, и не за то, что они о каторге, Л. Толстой так их любил, так исключительно высоко их ставил. Сквозь каторгу и каторжников Достоевский видел Россию; о ней пишет и Солженицын, повествуя о больных и врачах в раковом корпусе медицинского городка. Но книга его, как раз в этом отношении, еще значительней: захват ее несравненно шире. Нельзя было бы всю Россию назвать мертвым домом сто лет назад, а нынче, как ни больно, как ни страшно, а есть полное основание назвать всю Россию и мертвым домом, и, еще точнее, раковым корпусом. Всю ее ложет рак несвободы и лжи, всю ее мертвит выдохшаяся, пустая, но все еще навязываемая, с шестилетнего возраста, всем и каждому идеология. Солженицын не памфлетист. Дар его глубже. Он не только говорит правду, он ее и создает, и эта созданная правда есть все-таки сама правда.

Прочтите его книгу. Вы ее не забудете никогда. В. Вейдле.

*) "Раковый Корпус" — А. Солженицына, 1968 г. (448 стр.). Изд. YMCA-Press, 11, rue de la Montagne-Sainte-Geneviève, Paris-5°.

Лидия ЧУКОВСКАЯ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»*)

Бывают статьи, которые читаешь с натугой. Пытаешься читать — и невольно откладываешь в сторону. Берешь снова, пробуешь чтонибудь извлечь, получить — и опять не удается. Статья сама мешает себя читать. Не от того, что она предлагает уму и сердцу новую пищу, которая тебе не по зубам. Наоборот, чувство такое, будто жуешь пережеванное. Автор не произвел никакого труда мысли; он лишь механически повторил привычные сцепления слов, а иногда и фраз, а иногда и целых абзацев. Ему было легко писать — вот почему читать затруднительно.

Статью под названием «Идейная борьба. Ответственность писателя», помещенную в «Литературной газете» 26 июня с. г., я несколько раз брала в руки — и снова откладывала, не преодолев затруднений. Речь идет о борьбе идеи, а идеи-то и не ухватишь; не борьба, а скольжение по накатанной дорожке; не идеи, а вереницы слов. Если преданность, то беззаветная, если верность, то безграничная, если волна клеветы, то мутная, если отпор, то достойный. Воображения не хватает, чтобы за этим набором готовых штампов увидеть преданность, верность или обжечься ядом клеветы. Если встречи, то регулярные, если клеветническая кампания, то разнузданная, если отстаивание, то последовательное, а если речь зашла о литераторах, требующих пересмотра дела Гинзбурга, то они, эти литераторы, уж конечно «отдельные». Не работа мысли, а механическая перестановка значков.

И я сдалась бы на свое нежелание дочитывать статью до конца... Но дочитала: в середине речь зашла о Солженицыне. Все эти пустые словеса вели, оказывается, к обсуждению его работы и жизни.

Автор взялся изложить биографию А. Солженицына. Но изложил ее без надлежащей точности.

Помянул письмо Съезду писателей, «Раковый корпус», «В круге первом» — осудил их, не представив для того оснований.

*) Лидия Чуковская — дочь русского писателя Корнея Чуковского. Родилась в Петербурге в 1907 г. Лидией Чуковской написаны след. книги: «Декабристы, исследователи Сибири», «Борис Житков», «Былое и думы» А. Герцена и «Опустелый дом».

Имя Солженицына — слишком дорогое имя в нашей литературе, чтобы позволительно было оставлять без опровержения малейшую неправду о нем. Тем более, что в данном случае читатель вполне беззащитен, книг Солженицына и сведений о его жизни взять ему неоткуда.

Я попытаюсь хоть отчасти восполнить этот пробел и сделать для читателя ясной истинную подоплеку борьбы, завязавшейся вокруг Солженицына.

«Последние годы Великой Отечественной войны, — сообщает газета, — Солженицын провел на фронтах в качестве командира зенитной батареи, имеет награды».

Солженицын был призван в армию в 1941 г. Через год, по окончании специального училища, назначен командиром артиллерийской батареи. Артиллерийская батарея, как известно, — не зенитная, а 1942 — не один из последних, а, напротив, один из первых годов войны. Разумеется, ошибки эти ничтожны, но в статье об ответственности писателя не следовало бы допускать и таких. Журналистика — тоже дело ответственное.

Читаем дальше: «Незадолго до окончания войны он был осужден по обвинению в антисоветской деятельности и отбывал наказание в лагерях. В 1957 г. реабилитирован».

Тут нет фактических неточностей. Но этот абзац — нечто гораздо худшее, чем неточности.

Солженицын, действительно, реабилитирован. Какое же право, моральное и юридическое, имеет «ЛГ» публично заговаривать о несовершенном им преступлении? Ведь граждане, реабилитированные после смерти Сталина, — это же жертвы ежовского, бериевского, абакумовского — короче, сталинского террора, которые не были виновны перед законом и обществом; напротив, общество и учреждения, призванные вершить и охранять закон, оказались виновны перед ними. Зачем же газета бесстрастным голосом и как бы между прочим снова преподносит читателю уже разоблаченную ложь? Оба факта на выбор: хотите — верьте обвинению, хотите — реабилитации... Совсем как в известном анекдоте: «Петров? Ах, это тот, с которым что-то случилось, не припомню, что именно: то ли он кого-то обокрал, то ли его обокрали... Во всяком случае, будьте осторожны».

Могу заверить «ЛГ»: обокрали его. На 8 лет жизни. Украли бы и целую жизнь («вечная ссылка»), да Сталин оказался не вечен.

В 1963 г. (в предисловии к книге «Один день Ивана Денисовича») было сказано: «арестован по ложному политическому доносу». Прошло всего 5 лет — и бедная «ЛГ» заблудилась в тумане и снова не знает, где истина.

Реабилитация Солженицына («Определение № 4 н-083/57 Верховного Суда СССР от 6 февраля 1957 г.») составлена, к счастью, очень подробно и дает полное представление о его боевом пути и о причинах обрушившихся на него гонений.

Солженицын «храбро сражался за Родину, — написано в этом документе, — неоднократно проявлял личный героизм и увлекал за собой личный состав подразделения, которым командовал. Подразделение Солженицына было лучшим в части по дисциплине и боевым действиям... награжден орденами: Отечественной войны II степени и Красной Звезды».

За что же этот боевой офицер, прошедший с нашей армией путь до Восточной Пруссии, был в феврале 1945 г. арестован, без суда осужден и отправлен в лагерь?

Тот же документ отвечает на этот вопрос совершенно исчерпывающе: «Из материалов дела видно, что Солженицын в своем дневнике и в письмах к своему товарищу, говоря о правильности марксизма-ленинизма, о прогрессивности соц. революции в нашей стране и неизбежной победе ее во всем мире, высказался против культа личности Сталина...».

Вот в чем причина, вот где ключ к пониманию судьбы Солженицына. Он смолodu, раньше других разгадал Сталина; возмужав, сделавшись писателем, начал разоблачать сталинщину не только в дневниках и письмах. Вот причина гонений на него в прошлые времена и горестных особенностей его литературной биографии в наши...

«ЛГ» в той же статье об идейной борьбе и ответственности, с полнейшей безответственностью и не утруждая себя доказательствами, называет роман «В круге первом» — клеветническим.

Не потому ли, что среди других заплочных дел мастеров там выведен в том же качестве Сталин?

— А разве нельзя, — спросит читатель, — разоблачать Сталина?

Инструкции такой я не читала, распоряжения не слышала, но, судя по всему, оно существует. Судя по тому, хотя бы, что вот уже несколько лет редакции, за редчайшими исключениями, аккуратно вычеркивают из всех статей упоминания о гибели наших со-

отечественников в сталинских лагерях и тюрьмах. «Нам разъяснили, — любезно сообщил мне один редактор, — что если каждый раз указывать, у читателя может создаться впечатление будто их было слишком много».

Их — то-есть заключенных. Погибших.

Ну как же при таких разъяснениях напечатать «В круге первом», роман Солженицына, где основное действие происходит в тюрьме в Москве, где собрана техническая, инженерная, филологическая интеллигенция из несметных тюрем и лагерей Сибири? У читателя в самом деле может создаться впечатление, что их было много, слишком много! Гораздо естественней в наши дни звучит хвала Сталину, изделия С. Смирнова. Про это произведение «ЛГ» не напишет, что оно клеветническое.

Вот как изображает С. Смирнов похороны своего героя:

И тогда, возвышенный над каждым,
Он ушел от нас не одинок:
Сотни душ растоптанных сограждан
Траурный составили венок.

Читатель должен представлять себе, при какой погоде совершаются попытки романа «В круге первом» и повести «Раковый корпус» появиться на свет. Погода такая: можно напечатать в толстом журнале, что растоптанные люди — венок.

Утром, просыпаясь, и вечером, засыпая, мы должны помнить, что гениальный «Реквием» Ахматовой, этот плач обо всех замученных и убиенных, до сих пор не напечатан, а кособокие вирши Смирнова, этот плач на могиле их мучителя, беспрепятственно опубликован в журнале «Москва», 1967, № 10.

Вот какая у нас нынче погода!

С точки зрения цензур и редакции в стихах Смирнова все обстоит благополучно: они там не упомянуты — те, кого успел растоптать Сталин до своих похорон.

Рассказав о XX съезде («Мы потом сошлись в Колонном зале — Лучший цвет завода и села»), Смирнов мимоходом осуждает культ личности, но тем не менее от самой личности продолжает оставаться в восторге:

Да! В таких — буквально — людях — глыбах,
До вершин вознесшихся не вдруг,
Надо не замалчивать ошибок,
Но и не зачеркивать заслуг.

Вряд ли истребление миллионов неповинных людей Смирнов осмеливается считать заслугой Сталина. Стало быть оно в его глазах «ошибка». Не преступление против человечности, за которое должны нести ответственность сообщники сталинских злодейств; не зверство, не самая грандиозная провокация, какую когда-либо знала история, — провокация, едва не сбившая с толку целый народ, — а деликатненько: «ошибка» (со стороны «буквально человека-глыбы, до вершин вознесшейся не вдруг»).

В дальнейших строках Смирнов признается, что он до сих пор не знает объективной истины о Сталине. Ну уж если до сих пор не знает, — тут уж боюсь, ему не поможешь ничем. Вот разве что: не почитать ли ему Солженицына?

Я вовсе не намерена сводить все богатство философского, социального, нравственного содержания книг Солженицына к разоблачению сталинщины. Для них это слишком узко. И если я подчеркиваю сейчас антисталинскую направленность его произведений, то лишь потому, что у «ЛГ» о ней ни слова, а между тем в ней-то и зарыта собака. В ней — и в перемене погоды.

В 1964 г. на роман «В круге первом» с автором заключил договор журнал «Новый мир». Сегодня, в 1968 г. «ЛГ» сообщает, что роман — это «злостная клевета на наш общественный строй». Что же переменялось? Роман? Нет. Строй? Тоже нет. Наше прошлое? Оно неизменяемо. Изменилась погода. Дана новая беззвучная команда: окутать прошлое туманом. Не расслышав этой команды, читатель не поймет, почему не напечатаны до сих пор ни «Раковый корпус», ни «В круге первом». Почему у автора два года назад конфискован архив и до сих пор не возвращен ему. Почему перестали в библиотеках выдавать «Один день Ивана Денисовича». («Их там слишком много!»). Почему на специальных инструктажах, из года в год, распространяются о Солженицыне злобные выдумки: сотрудничал с немцами! был в плену! уголовник, блатной! шизофреник!

Надо ведь изобрести способ расправиться с писателем, который продолжает разоблачать сталинщину уже после того, как дана команда забыть о ней. Нет, конечно, вспоминать можно, но лишь на такой манер:

Всенародно, в октябре и в мае,
Мы сверяли чувство по нему.
И стоял он, руку поднимая,
Равный громовержцу самому.

В повести «Раковый корпус» Сталин не изображен. Это скорее философская, нежели историческая повесть. Тут, как в повести Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича», автор ставит своих героев лицом к лицу со смертью и каждого заставляет оглянуться на прожитую жизнь и задуматься над ее смыслом. Над смыслом жизни — своей и общей. В туго завязанном жизненном узле переплетаются не только судьбы — мысли; тут что ни человек — то носитель идеи, завоеванной, выстраданной целой жизнью, — накануне конца; повесть совершает то великое дело, которое и должна творить литература: она учит работать мысль читателя. Но издана она лишь в самиздате; 8 глав, сверстанные в «Новом мире», были из журнала вынуты. Вынуты, несмотря на то, что секция прозы обсуждала повесть и все 24 выступавших говорили о необходимости ее напечатать.

«В идейном отношении, — глубокомысленно заявляет «ЛГ», — повесть, как отмечалось на секретариате, нуждалась в существенной переработке». И это в статье — единственная характеристика повести! Искусство бюрократического письма в том и состоит, чтобы осудить чью-то мысль (или книгу), не дав читателю ни малейшего представления о ней.

А любопытно было бы узнать: какая именно идея из проповедуемых автором не устраивает секретариат? Идея очеловечивания человека? Ненависть к бессмысленной жестокости, пропитывающей жизнь до краев? Преклонение автора перед самоотверженной работой врачей? Размышления о том, в какой мере врач может самостоятельно решать судьбу больного? Какая именно?

На все эти вопросы «ЛГ» ответить не только не хочет — не может. Тут в самом деле должен совершаться труд мышления, а думать и обосновывать свои мысли — это вовсе не то же самое, что переставлять словечки: настойчивый отпор и мутная волна. Тут нужен анализ чужих идей, чужих аргументов, нужны поиски собственных доводов, живая, напряженная, страстная, строгая работа ума. Статья же «Идейная борьба...» поражает своей безыдейностью. Какая уж тут борьба идей, если свежим и грозным раздумьям Солженицына, скорбным укоризнам Каверина, выступившего на защиту солженицынской повести, всем их мыслям, основанным на целой груде тут же приведенных ими фактов, газета противопоставляет не идеи, не мысли и, уж конечно, не факты, а либо порочащие ярлыки, либо какие-то пустые придирки, совершенно внешние, не касающиеся сути идущего спора... Солжени-

цын, видите ли, отправил свое письмо съезду «в нарушение общепринятых норм поведения», т. е. не в одном экземпляре, как положено, а в сотнях — Президиуму, журналам, делегатам. Да забудьте вы хоть на минуту о способе, каким было послано письмо, вспомните о самом письме, напечатайте его или расскажите читателю его содержание, ответьте на него, попробуйте противопоставить мыслям автора свои собственные, если они у вас есть, опрокиньте, опровергайте его утверждения в открытом бою — тогда это будет называться идейной борьбой! А до тех пор это бюрократическая придирка. На роман «В круге первом» вы истратили 6 слов: «содержит злостную клевету на наш общественный строй» — а в романе 35 печатных листов, а в романе десятки героев, а действие охватывает самые разные слои нашего общества, разные его этажи, а сумма идей такова, что их хватило бы на 10 романов; где же именно скрывается злостная клевета? Из чего она складывается? В чем состоит? Почему бы вам не вытащить ее наружу и не опровергнуть?

Вы ставите в вину Каверину, что он будто бы ежедневно слушает по иностранному радио свое письмо Федину (какая богатая осведомленность о домашнем быте писателя), когда же дело доходит до дела, т. е. до содержания письма, вы замечаете: «нет нужды разбирать это письмо в подробностях».

Нет нужды? Если так, — не называйте свое выступление идейной борьбой. Это какая-то другая борьба, не идейная.

У «ЛГ» своя забота: Солженицын должен отмежеваться от шумихи, поднятой вокруг его имени на Западе. Вот тогда-то он сделается, наконец, идейным писателем и может надеяться быть удостоенным упоминания рядом с самой Галиной Серебряковой. (А не отмежуется — пусть пеняет на себя.) Главное, от чего ему следует отмежеваться, — это от шумихи, поднятой на Западе вокруг письма съезду. (А заодно, хорошо бы и от идей письма.)

Когда я впервые прочитала это необыкновенное письмо, мне представилось, что сама русская литература оглянулась на пройденный путь, обдумала, взвесила все, что ей довелось пережить, подсчитала утраты и потери, помянула гонимых — тех, кого загубили на воле, взвесила урон, нанесенный гонениями на писателей духовному богатству страны и голосом Солженицына произнесла: довольно! больше так нельзя! будем жить по-другому!

Солженицын сделал все возможное, чтобы голос русской литературы раздался на съезде. Но, несмотря на то, что десятки деле-

гатов поддержали его и обратились в президиум съезда с требованием обсудить письмо, — оно ни оглашено, ни обсуждено не было.

Трудненко, видно, бороться с идеями; гораздо легче замалчивать их, и, замалчивая, порочить.

Голос литературы так и не прозвучал на писательском съезде.

И это понятно. Их, проклятых, и в этом письме слишком много: среди писателей одних лишь реабилитированных 600 человек, из них посмертно — 180! Опровергнуть письмо невозможно — и факты, и выводы неопровержимы; гораздо легче сообщить, как сделала «ЛГ», что «западная пропаганда подняла вокруг письма разнузданную антисоветскую шумиху». Шумиха-шумихой, а в чем же дело в письме? В чем его содержание? Почему шум шумихи заглушает для «ЛГ» смысл самого письма?

Единственное место, которое газета рискует изложить и на которое пытается ответить, — это предложение внести в Устав СП пункт об обязанностях Союза защищать неправо гонимых.

Как? Защищать? Своих членов? Союз?

В самом деле, развернем это предложение в жизнь, — и мы сами убедимся, что оно фантастическое.

Например: дан сигнал травить Пастернака. Выступает тов. Семичастный, большой знаток литературы, и публично, с трибуны, объявляет великого поэта — свиньей. Да, да, попросту свиньей — чавкающей или хрюкающей, не помню.

А тут СП — слушайте! слушайте! — вместо того, чтобы, покрыв себя навеки позором, исключить Пастернака, вступает за своего собрата и спокойно, с достоинством объясняет на страницах своей газеты невеждам, кто такой Пастернак.

Или вот другой пример: Солженицын. Помечтаем! Вместо того, чтобы сообщать, что архив, отобранный у него, отобран не в Рязани, а в Москве, и не на квартире у Солженицына, а на квартире у его друга (как будто это имеет какую-нибудь важность!), Союз в газете начинает борьбу за возвращение архива. Газета напоминает общественности, что архив писателя — его святое святых, что никто не смеет лезть туда руками, что довольно уже погибло драгоценных писательских архивов в таинственных недрах, что распространять, вопреки воле автора, выкраденную из его архива рукопись, от которой он давно и громогласно отказался, — беззаконие и бесстыдство... Увы! все это лишь в мечтах.

А в действительности газета стала соучастницей похитителей: в той же статье пересказала содержание отвергнутой автором пьесы.

Второго такого случая в нашей печати я не знаю. Умышленно не давать читателю представления о повести и романе, за опубликование которых открыто годами борется автор, — и пересказать во всеулышание пьесу, никогда для распространения и печати не предназначавшуюся и хранившуюся в личном архиве... Это беспримерно. Не выкрасть ли у Солженицына (на этот раз уже из его квартиры в Рязани, а не из квартиры его друга в Москве) дневник или письма к жене и не пересказать ли в «ЛГ»? Это было бы еще интереснее.

Несмотря на горестный и богатый опыт разнообразных писательских гибелей, газета отвергает необходимость внести в устав Союза пункт об обязанности Союза защищать своих членов: «Такой пункт, — пишет газета, — ставил бы Устав СП над общесоюзными законами, обеспечивающими равную для всех граждан защиту от клеветы и несправедливости».

Да почему же непременно **ставил бы над?** Каждый местком каждого профсоюза имеет такие права — защищать своих членов, и это нисколько не ставит его над судом или прокуратурой, а лишь способствует общей борьбе с произволом и несправедливостью.

Но «ЛГ» столько же дела до справедливости, сколько и до литературы. У нее своя навязчивая идея: добиться, чтобы писатель Солженицын, а заодно и писатель Каверин, вступивший за Солженицына, отмежевались от шумихи, поднятой на Западе вокруг их имен. Вокруг их писем: Солженицына — съезду, Каверина — Федину. В письмах обоих писателей заключена неоспоримая правда, а правда, как известно, не превращается в кривду в зависимости от шумихи или от того, на какой волне она передана. Шумели, замалчивали, а правда остается сама собой. И не о шумихе должна думать в первую очередь газета, а о сущности дела: истинно ли то, что вызывает шум?

Я не спорю — это большое несчастье, большое унижение для нашего народа, для всех нас, получать собственное богатство из чужих рук. Но, чтобы избежать этого, есть одно-единственное средство: значительные произведения советской художественной литературы и советской общественной мысли надо печатать дома. И передавать по станциям «Маяк» и «Юность». Тогда и читатель окажется духовно накормлен, и шумихи не будет, и заставлять писателей отрекаться и отмежевываться не станет нужным.

Упрекая Федина в том, что он, именно он, помешал напечатать «Раковый корпус» в «Новом Мире», Каверин пишет: «Это значит, что роман останется в тысячах списков, ходящих по рукам. Это значит, что он будет опубликован за границей. Мы отдадим его читающей публике Италии, Франции, Англии, Зап. Германии, т. е. произойдет то, против чего энергично и неоднократно протестовал сам Солженицын. Возможно, что в руководстве СП найдутся люди, которые думают, что они накажут писателя, отдав его зарубежной литературе? Они накажут его мировой славой, которой наши противники воспользуются для своих целей. Или они надеются, что Солженицын «исправится» и станет писать по-другому? Это смешно по отношению к художнику, который представляет собой пример поглощающего призвания, пример, который действительно напоминает нам, что мы работаем в литературе Чехова и Толстого».

Истину этих слов не заглушит ни шумиха на Западе, ни административный окрик «ЛГ».

«Редкий пример поглощающего призвания»... — точнее о Солженицыне не скажешь. Каждая из его вещей — точно свидетельство на каком-то незримом судилище, где он минуту назад принял присягу говорить правду, одну лишь правду и всю правду.

Присягнул — собственной прожитой жизни, людям, с которыми вместе шел по жизненным путям.

Письмо Солженицына кончается так: «Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть».

И такого человека «ЛГ» вздумала обучать ответственности!..

Ну, разве не смешно?

27/VI — 4/VII 1968 г.

«РАКОВЫЙ КОРПУС» — А. И. СОЛЖЕНИЦЫН.

Имя А. И. Солженицына стало ныне мировой известностью и это не только благодаря совершенно исключительным размерам его литературного дара, но и в силу его морального подвига. В его лице подъяремная Русь получила ходатая и заступника перед мировым моральным сознанием, перед мировой совестью, а коммунистическая тирания оказалась перед лицом гениального судьи и обличителя.

По геройству в этом отношении с ним может отчасти только сравниться Н. А. Бердяев, в 1922 г. выпустивший свою блестящую книгу «Философия неравенства».

Прежде всего в «Раковом корпусе» бросается в глаза мирозерцательно-философская насыщенность этого великого творения «страшных лет России». Разоблачаются все преступления коммунистической системы, в том числе и мирозерцательно-философские и псевдонаучные извращения. Прибавим сразу же, что в книге нет и намека на тенденциозность.

Структура «Ракового корпуса» чрезвычайно проста и в тоже время оригинальна. Она сводится к художественной передаче трагической экзистенции больных, обитающих в раковом павильоне, на азиатской окраине Советского Союза. Это сообщает всему произведению живописный и специфический колорит.

Автор романа, как и подобает громадному его таланту, вполне объективен. Изумительны его страницы, посвященные описанию всех представителей медицинского персонала. Даже описывая фигуру Павла Николаевича Русанова, стопроцентного коммунистического интеллигента, у Солженицына царит строжайшая художественная объективность. Читатель вначале испытывает скорее симпатию к нему, наряду с другими лицами романа, но затем как-то невзначай и словно из под спуда автор легчайшей иронией раскрывает, что П. Н. Русанов только так сказать «человекоподобен», но уже отнюдь не человек.

При чтении этого великолепного свитка «Ракового корпуса» иной раз кажется, что автор удалил нас от коммунистического центра, чтобы подышать здоровым воздухом от безвозвратно зараженного духовным раком центра.

К этому надо прибавить, что автор предельно тонко знает оба мира: мир рака искусственного и мир рака естественного.

И несмотря на обилие трагических сцен, читатель оставляет чтение и закрывает книгу духовно окрепшим, возросшим и просветленным. Таким всегда и будет подлинное произведение высокого трагического искусства, каким бы безотрадным ни казался по первоначальному избранному автором сюжет.

В. И.

«Духовные зернышки», мысли и советы святителя Божия. — Митрополит Владимир. — Париж, 1967 г.

Духовная, или истинно-христианская жизнь, состоит прежде всего в очищении, преобразовании своей души. Об этом говорит Господь, св. апостолы, все учителя церкви. Бог смотрит не на внешние дела, как бы прекрасны они ни были, но на внутреннее расположение человека.

Можно и добрые дела творить по дурным побуждениям, тогда едва ли эти дела принесут добрый плод, а могут и во зло обернуться. Пере-страивать, преобразовать свою душу — это трудное дело. Святые Отцы именуют это наукой и искусством. Оно невозможно без помощи Божией, без озарения Святым Духом, как и всякое успешное земное дело невозможно без вдохновения. Но здесь и там требуется труд; для духовного делания, особенно труд молитвенный. Но мало и этого; во всяком деле надо пользоваться опытом других людей, знатоков дела и даже опытом целых поколений. Православная Церковь хранит неисчерпаемый опыт благотворных усилий множества истинных христиан. Этот опыт, передаваемый новым поколениям, и есть Предание Св. Церкви. Оно в значительной мере запечатлено не только в Священном Писании и Богослужебных книгах, но и в творениях Св. Отцов.

Никакой истинный христианин не может жить без Священного Писания — это хлеб небесный, как и без богатства богослужебных книг. Писаниями св. Отцов пользоваться трудно, но по своему милосердию Господь для каждого нового поколения посылает новых наставников, которым дается говорить на языке, более подходящем для его времени.

Бог не забыл, конечно, в этом отношении и русских людей. В XIX веке даны были им великие учителя — преп. Серафим Саровский и другие старцы, еп. Феофан, еп. Игнатий и Иоанн Кронштадтский и многие другие. Помогали приблизиться к Церкви и к ее духовному богатству также наши философы и великие писатели.

В эмиграции мы естественно оскудели, но поток духовного ведения, помогающего нам и здесь продолжить внутреннее устройство нашей души, не иссяк. Кое-что было переиздано, кое-что хорошо для нашего времени перетолковано, но кое-что шло из прямого светлого духовного опыта новых авторов. Много дали и продолжают давать книги о. Сергия Четверикова, лучистая книга “Записи” о. Александра Ельчанинова. Имеются глубокие духовно-поучительные страницы у о. Сергия Булгакова — всего не перечислить.

Теперь появилась небольшая книга “Духовные Зернышки” — митрополита Владимира. Такие книги появляются промыслительно когда они нужны.

Людам, непричастным труду над своей душой, многое в этой книге может показаться будто бы устаревшим и слишком обычным, но кто, как это и следует делать, начнет применять написанное в этой книге к самому себе, скоро поймет, какой незаменимой духовной опорой она может быть. Молодой монах сказал про нее “эта книга полна духовной пользы”. В книге множество повторений, например, о необходимости смирения и терпения, о необходимости переносить обиды и скорби. Тот, кто знает, что мы на каждом шагу готовы обидеться, возроптать или осудить — возрадуется этим повторениям и слова эти будут для него целительными, как много раз повторяемые “Господи, помилуй”. А помилование — дается, тут же в этой книге, там, например, где постоянно говорится о том, что молитва об избавлении от греховной жизни всегда будет услышана, как это ободряет. Конечно, такую книгу надо читать медленно, понемногу с молитвой, с желанием просветить, преобразовать свою душу, — что и есть *metonia* — покаяние. Кто, хоть скольконибудь думал об этом, никогда не пройдет мимо этой книги.

В заключение нельзя не привести одного изречения митр. Владимира, в котором выражен один из основных и самых глубоких законов христианской жизни: “Самое важное для души дело — то, которое пред-стоит тебе, также и самый важный час — текущий час, и самый важный человек, тот, которого Бог посылает теперь”.

Архимандрит Александр Семенов-Тянь-Шанский.

Хроника

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ Р.С.Х.Д.

(1968)

Многолетний обычай каникулярных лагерей Р.С.Х.Д. в на редкость удачно выбранной местности, — превратил последовательность этих лагерей в устойчивую традицию уже для нескольких поколений православной молодежи. Ежедневная утренняя и вечерняя молитвы, общелагерное причащение во все воскресные и праздничные дни превращают пребывание в лагере в некое паломничество. Из лагеря молодежь уезжает укрепленными и духовно и физически. Всю религиозно-просветительную и духовную работу проводит о. Алексей Князев, ректор Православного Богословского Института в Париже. Педагогическую работу с детьми и юношеством ведет с исключительным самопожертвованием молодой инженер А. А. Викторов. Общее же руководство лагерем осуществлялось и в этом году К. А. Ельчаниновым и И. В. Морозовым. Последний же, неоднократно выступал с чтением двух больших произведений Солженицына: “Раковый корпус” и “В круге первом”, которые буквально в несколько последних месяцев получили всемирную славу. Эти чтения сопровождались комментариями, как самого чтеца, так и собравшихся в большом количестве слушателей.

Повесть А. И. Солженицына “Раковый корпус” уже издана УМСА-Press и готовится к выходу в свет в самом ближайшем будущем и роман Солженицына “В круге первом”.

В этом году в лагере собралось немало молодых философов и богословов. В свободных дискуссиях обсуждались следующие проблемы: война в Вьетнаме, насилие, коммунизм; между прочим, подверглась обсуждению и столь важная метафизическая проблема, как софиология.

Т. З.

БЬЕВРСКАЯ ПУСТЫНЬ

СЪЕЗД РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 9—12 ноября 1968 г.

Название “пустыни” трудно приложимо к городку Бьевр, живописно раскинушемуся на склоне над долиной, в глубине которой протекает одноименная речка Бьевр. Этот уголок зелени, расположенный в каких-нибудь десяти километрах от Парижа, сохраняет пока еще свой характер провинциального городка, не испорченного “высотными” зданиями и другими достижениями нашей эпохи.

Слово "пустыня" мы применяем к нему в смысле духовном, так, как его понимали отшельники IV века в Египте, положившие начало пустынножителю, и как позже в России, вплоть до XX века его понимали наши святые-отшельники и с ними весь православный народ. Бьевр, вернее находящийся в его пределах дом отдыха протестантов, является местом объединения для нашей студенческой молодежи и всех тех, кто так или иначе связан с деятельностью Русского Студенческого Христианского Движения, в обстановке отрыва от обыденных условий жизни.

В этом году очередному съезду, 40-му по счету, были посвящены дни 9, 10 и 11 ноября. События, потрясшие Францию в мае и июне текущего года, не позволили устроить съезд весной, как это обычно делалось, а именно в дни Праздника Пятидесятницы, по календарю западного мира, т. е. 1, 2 и 3 июня. Съезд пришлось отложить на осень, несколько изменив его программу в связи с переменами в составе докладчиков.

Вот что было предложено вниманию участников съезда в этом году. Первый день, суббота, был предоставлен докладчикам из студентов, Георгию Филиппенко, говорившему на тему "Основы социализма и метафизика", и Сергею Морозову, избравшему предметом своего выступления "Личность и отчуждение". За докладами последовало обсуждение в небольших группах по 15-20 человек. Этот способ обсуждения позволяет высказаться тем участникам съезда, которые предпочитают воздерживаться от выступлений на большом собрании, но охотно выступают в немногочисленной группе. Секретари групп делали сводку сказанного и докладывали затем на общем собрании о том, что больше всего заинтересовало участников группы, какие вопросы были поставлены и т. д. Авторы докладов получали таким образом возможность сделать нужные дополнения к уже сказанному ими, ответить на вопросы и подвести итог.

Первый день закончился всенощным бдением, совершенным в часовне при доме, которой был придан православный характер благодаря многочисленным иконам, привезенным участниками съезда и церковной утвари и облачениям, полученным от Введенской церкви.

Второй день съезда, воскресенье, начался Божественной литургией, на которой причастилось большинство присутствовавших. Этот воскресный день был отмечен немалой нагрузкой для участников съезда, так как утренний и дневной доклады дали повод к продолжительным и интересным обсуждениям.

О первом докладчике, о. Петре Струве, приходится говорить с чувством глубокой печали, так как его уже нет среди живых. Тяжело раненный в автомобильной катастрофе, 3 декабря, он скончался в тот же день. Его преждевременная кончина представляет огромную, трудно оценимую утрату для Православной Церкви и ее Парижской Архиепископии, для нашего Р.С.Х.Д. и для Экуменического Движения, в котором покойный принимал действительное участие в течение многих лет.

О. Петр Струве говорил на тему: "Кризис веры в современном христианском мире".

Второй докладчик, С. С. Верховской, профессор догматического бо-

гословия в духовной академии св. Владимира в Нью-Йорке, приехавший особо на съезд из Соединенных Штатов, взял темой своего выступления "Человек и человечество в Христе". Этот 4-й по счету доклад был сделан по-русски, после первых трех, прочитанных и обсуждавшихся по-французски, но французский язык заявил о своих правах и во время обсуждения доклада С. С. Верховского. Этому не приходится удивляться: наша молодежь учится во французских школах, ей часто недостает нужных слов, главным образом, для обозначения отвлеченных понятий, выходящих за пределы того обыденного разговорного языка, который можно слышать в семьях.

В понедельник, третий день съезда начался Божественной литургией, которая снова привлекла большое число причастников. За литургией последовал доклад на русском языке о. Алексея Князева, ректора Православного Богословского института в Париже. Его тема "Вера пророков" перенесла нас в ветхозаветную эпоху, но докладчик напомнил, что всякий христианин, а стало быть и все мы, в силу благодати, полученной при таинстве миропомазания, оказываемся причастными пророческому служению. Бог призывает к пророчеству решительно всех, у кого есть вера, этот основной двигатель.

Заключительный, шестой по счету, доклад был сделан о. Борисом Бобринским, преподавателем Богословского Института в Париже, на тему "Об аскезе".

Если судить по тому, как отзывались на слышанное участники съезда, можно прийти к заключению, что аскеза и связанные с ней духовные и физические упражнения не оставляют молодежь равнодушной к этому вопросу.

Последний день съезда был ознаменован приездом нашего правящего архиерея, архиепископа Георгия, и его викария, епископа Мефодия. Высокие гости прибыли незадолго до начала доклада о. А. Князева. Съезды Р.С.Х.Д. были неоднократно отмечены присутствием правящего епископа, показывавшего тем самым, какой интерес проявляет епархиальная власть к деятельности Движения в пределах епархиального удела и вне его. В условиях текущего года это посещение приобрело особое значение в связи с той анкетой, которая была предпринята журналом «Jeunesse Orthodoxe». Этот печатный орган, выходящий один раз в три месяца на французском языке, издается усилиями группы студентов, участников Движения. Ряду лиц, принимающих деятельное участие в жизни Православной Церкви во Франции, т. е. священникам, членам приходов, церковно-общественным деятелям и т. д., были посланы опросные письма с просьбой дать оценку положения православных приходов во Франции с точки зрения их числа, обслуживания их духовенством, численности и состава прихожан, богослужебного языка, материального положения и т. д. Полученные ответы были опубликованы в последнем выпуске «Jeunesse Orthodoxe»; высокую ценность некоторых из них признал архиепископ Георгий в обращении к молодежи, которое было оглашено на съезде по тексту, составленному на французском языке; ему предшествовало личное, непосредственное обращение архиепископа к присутствовавшей на съезде молодежи. Отдавая должное авторам ответов на анкету, владыка Георгий предостерег от поспешного использова-

ния непроверенных статистических данных, относящихся к состоянию православных приходов в Западной Европе. В своем обращении архиепископ дал прямые указания на то, как надлежит бороться с теми печальными явлениями в жизни наших приходов, на которые указывает анкета «Jeunesse Orthodoxe», как поступать, чтобы стать апостолами обновления и оживления нашей приходской жизни. Обращение заканчивается приглашением приходить непосредственно к самому архиепископу, в церковный дом на рю Дарю, для бесед с ним при участии епископа Мифодия и архимандрита Александра (Семенова Тянь-Шанского).

Мы надеемся, что это архиепископское обращение будет своевременно опубликовано полностью как важный документ, свидетельствующий о готовности Архиепископии сотрудничать с живыми силами наших приходов.

Закончим это краткое сообщение о съезде в Бьевр пожеланием, чтобы доклады, на нем заслушанные и обсужденные, были помещены в печатных органах Р.С.Х.Д., как свидетельство о жизнеспособности Движения на 46-м году его существования.

А. В. М.

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

В январе 1969 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО YMCA-PRESS

выпускает в свет роман:

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В КРУГЕ ПЕРВОМ

670 стр., с портретом автора

двухцветная обложка работы Ю. П. Анненкова

Цена: Фр. 39,—. В Америке и Австралии: Долл. 9,—

	Фр.
В. Вейдле — Безымянная страна	15,—
Н. Бердяев — Мирозерцание Достоевского	15,—
А. Солженицын — Раковый корпус	27,—
М. Булгаков — Мастер и Маргарита	18,—
Г. Федотов — Лицо России	30,—
Из Глубины — Сборник статей о русской революции	30,—
Архим. Киприан(Керн) — Золотой век свято- отеческой письменности	28,—
Л. Шестов — Sola fide — Только верою	29,—
La Pensée Orthodoxe N° 2, Travaux de l'Institut de Théologie Orthodoxe à Paris	15,—

Заказы исполняет склад издания:

LES ÉDITEURS RÉUNIS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève

Paris 5.

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения
XXXIII-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

- Во Франции: Подписную плату просим вносить либо на почтовый счет А.С.Е.Р. Paris. С.С.Р. 2441-04; либо банковским чеком на имя А.С.Е.Р.
Подписная плата на 1969 год: 20 фр., с целью поддержки — 30 фр.
- В Америке: Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.
San Francisco: Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Francisco, Calif., 94122, U.S.A.
В Америке подписная плата на 1969 год: 4 доллара с целью поддержки — 5 долларов.
- В Англии: Подписная плата на 1969 год: 2 англ. фунта
- В Бельгии: Mr. Pierre Rosniansky, 19, rue du Cornet, Bruxelles 4, Belgique.
Подписная плата на 1969 год: 200 бельг. фр., с целью поддержки — 250 бельг. фр.
- В Германии: Herr A. Beerwald. 7901 Dornstadt bei Ulm. Altenheim. Deutschland.
Подписная плата на 1969 год: 15 гер. м., с целью поддержки — 20 гер. м.
- В Канаде: Miss E. Troubetzkoy, 4500 de Maisonneuve Blvd. Apt. 23. Montreal 6 P. Que. Canada.
Подписная плата на 1969 год: 4 долл., с целью поддержки — 5 долларов.
- В Швеции: Prost S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19, Suède.
Подписная плата на 1969 год: 20 швед. крон, с целью поддержки — 30 швед. крон.

Tous droits de traduction réservés.

ВЕСТНИК Р.С.Х.Д.

Подписная плата на год: . . . . . 20 ФР.
С целью поддержки . . . . . 30 ФР.

Abonnement annuel: . . . . . 20 F